

АНТОН КРОТОВ

200 дней на ю

ВПЕРВЫЕ АВТОСТОПОМ
ИЗ МОСКВЫ ЧЕРЕЗ ВСЮ АФРИКУ
ДО НАМИБИИ И АНГОЛЫ. 2000—
01 ГОДЫ

Антон Кротов

**200 дней на юг. Впервые
автостопом из Москвы через
всю Африку, до Намибии
и Анголы. 2000—01 годы**

«Издательские решения»

Кротов А.

200 дней на юг. Впервые автостопом из Москвы через всю Африку, до Намибии и Анголы. 2000—01 годы / А. Кротов — «Издательские решения»,

На попутных машинах прямо от Московской Кольцевой дороги до юго-западных берегов Африки! Через Киев, через Молдавию, Румынию, Болгарию, Турцию, Сирию, Иорданию, Египет, Судан, Эфиопию, Кению, Танзанию, Замбию, Ботсвану, Намибию и Анголу. Восемь человек пересекли автостопом Африку в 2000—01 годах, что было необычайно смелым путешествием на то время. Книга описывает все приключения и ежедневные трудности в дороге, снабжена фотографиями и рисунками автора.

© Кротов А.

© Издательские решения

Содержание

Предисловие 2016 года	6
Участники	7
Автостопом от Москвы до Каира, через Киев	13
Египет	17
Судан	24
Эфиопия	62
Конец ознакомительного фрагмента.	72

**200 дней на юг
Впервые автостопом из Москвы
через всю Африку, до Намибии
и Анголы. 2000—01 годы
Антон Викторович Кротов**

© Антон Викторович Кротов, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие 2016 года

В начале 1999 года я с друзьями отправился в своё первое африканское путешествие. Через Грузию, Турцию, Сирию, Иорданию и Египет мы, автостопом, попали в Судан – тогда это была крупнейшая страна Африки. Дальше вглубь неизведанных нами стран мы не продвинулись тогда – граница Судана с Эфиопией была закрыта для иностранцев, а попутного корабля в Йемен, который мы искали в Порт-Судане, тогда так и не дождались.

В результате все пятеро друзей, побывавших в Судане, – поехали оттуда автостопом домой, через Египет, Иорданию, Сирию, Турцию... Но открытие Африки было столь замечательным, столь удивительным! Конечно, захотелось, повторить, и проехать уже дальше вглубь Африки, сперва по известному нам маршруту, а потом и по неизвестному.

Этому способствовала политическая обстановка: пришёл слух, что с 1 января 2000 года открывается международный автопереход между Суданом и Эфиопией, и стало быть путешествие через всю Африку насквозь уже представляется вполне возможным. Между другими странами погранпереходы имеются, и дорога до самого юга Африки кажется открытой. Мы планировали получать визы по дороге, добраться через Эфиопию, Кению, Танзанию, Мозамбик до ЮАР, до самого Кейптауна... В Южной Африке можно было бы попробовать подсесть на попутный пароход, переправиться в Южную Америку, оттуда – в Северную, и через Аляску, Чукотку и Сибирь завершить Кругосветное путешествие.

Официальный старт был назначен на 1 августа 2000 года. Мы планировали пересечь Африку за четыре месяца, ещё полгода потратить на обе Америки и в середине очередного лета вернуться домой. Всем друзьям и знакомым и незнакомым я сообщил, что набирается команда желающих в Кругосветное путешествие автостопом.

Судьба распорядилась так, что наша прогулка по Африке затянулась. Спустя полгода после старта мы всё ещё находились в Африке, а перебраться в Новый Свет большинству из нас не удалось. Поэтому «кругосветное» путешествие сие превратилось в новое путешествие по самой Африке. И вот об этом – очередная книга.

В предыдущей книге «Это ты, Африка!» (она же вышла потом под названием «Автостопом в Судан») была подробно описана подготовка к предыдущей поездки и начальные этапы её – путешествие по Турции, Сирии, Иордании и Египту. Жалея читателя, я не стал в этот раз вдаваться в подробное описание наших приключений в этих «ближайших» странах.

Африка – довольно быстро меняющийся континент. Правительства и дороги, цены и маршруты, отношения между странами меняются там быстрее, чем в Европе. Поэтому прошу не рассматривать книгу как путеводитель. Все наши приключения, прошедшие в 2000—2001 годах, интересны с исторической точки зрения, с точки зрения развития Африки, развития науки о путешествиях и нас самих.

Методы путешествий, которые мы применяли на стыке тысячелетий, не все будут удобны путешественникам XXI века, места ночлега и стоимость виз уже поменялась, в России выросла стоимость хлеба и трудового часа, а также курс доллара. Поэтому, читая книгу, думайте головой, если собираетесь повторить наши приключения: многое стало дороже (например, визы Кении и Танзании), а что-то – проще и дешевле (например, авиабилеты или Интернет в Эфиопии). Прошло пятнадцать лет, а в Африке кое-где и за предыдущие пятнадцать веков не прошло столько изменений, как за эти последние годы.

А. Кротов, Россия, май 2016.

Участники

Читатель предыдущей книги («Это ты, Африка», она же «Автостопом в Судан») помнит, что тогда, в 1999 году, по Судану путешествовало пятеро автостопщиков – Павел Марутенков, Андрей Петров, Владимир Шарлаев, Константин Шулов, и автор этой книги. Ещё двое – Григорий Кубатьян и Александр Казанцев – достигли Египта; Михаил Венедиктов провожал нас до Сирии, другой Михаил, Кошелев – до Турции.

На этот раз, в 2000 году, в глубины Африки проникло целых десять человек. Это были: Юра Генералов («Кактус»), Олег Костенко, Гриша Кубатьян, Гриша Лапшин, Сергей Лекай, Андрей Мамонов, Олег Сенов, Кирилл Степанов, Вовка Шарлаев и автор этих строк.

В процессе многомесячного путешествия комплект мудрецов тасовался по-всякому, но нигде и никогда все десять человек не собирались в одной точке. И только в одном-единственном городе, в Дар-эс-Саламе, нам удалось на пару дней воссоединиться ввосьмером. Всё остальное время мы странствовали по Африке меньшими группами.

Причин такой разделённости было несколько. Во-первых, четырёх из десяти участников не удалось получить суданскую визу, поэтому двое из нас (Андрей Мамонов и Кирилл Степанов) перескочили на самолёте из Египта прямо в Эфиопию; другие двое (Олег Костенко и Вовка Шарлаев) проникли в Эфиопию окольным путём, через Кавказ, Иран, Оман, Йемен и Джибути.

Во-вторых, двое из нас, Гриша Кубатьян и Юра Генералов (Кактус), подцепив по дороге все болезни мира, были вынуждены улететь из Эфиопии домой; поэтому южнее Аддис-Абебы нас осталось восемь.

В-третьих, участники поездки за многие месяцы дороги скомпоновались в довольно устойчивые пары. Причём все (кроме заболевших) проявили в поездке замечательную самостоятельность; мы легко разбредались по поверхности Земли, держа связь друг с другом по Интернету, а потом соединялись вновь.

«Провожающих», пересёкшихся с нами на маршруте, тоже было больше, чем в прошлый раз: Паша Марутенков провожал нас до Египта, Митя Фёдоров – до Иордании, Витя Ветров и две самоходные бабушки – до Сирии, Миша Кошелев – до Калуги; также в поездке с нами пересеклись кришнаиты Игорь и Даша Фатеевы, направляющиеся в своё собственное Большое Путешествие. Краткое описание всех тех, кто отправился летом 2000 года в это великое путешествие, сейчас будет приведено.

Комплект 1. Сенов & Лекай.

Олег Сенов (1976 г.р.), выпускник МГУ, житель подмосковной деревни Орево, побывал в минувшем году в Таджикистане в составе Среднеазиатской экспедиции АВП. Олег привёз из поездки множество прекрасных фотографий и сейчас тоже собирался быть фотоманьяком. Поэтому, когда он утерял в Сирии свой фотоаппарат «Киев», его огорчению не было границ. По счастью, в то время ещё не покинул Москву другой Олег – Костенко, самый запоздавший участник поездки. О. Сенов попросил его приобрести новый «Киев», и, о счастье! – таковой фотоаппарат встретился с ним через пару месяцев, уже в Африке.

Помимо фото-принадлежностей, О. Сенов имел и другую драгоценность – гитару. Ей было суждено стать единственной в мире гитарой, проехавшей автостопом через пятнадцать стран из России в ЮАР. Там, на юге Африки, путешествие гитары завершилось – её украли, а сам Олег, вероятно, с горя, получил американскую визу и единственный из нас перелетел в страну США.

Сергей Лекай (1974 г.р.) был среди нас самым опытным человеком, и вторым по старшинству (после Костенко). Ещё до нашего с ним знакомства он побывал в разных горах бывшего СССР в качестве лыжного и самоходного горного туриста; а в минувшем 1999 году он два месяца путешествовал в одиночку автостопом по Тибету, достигнув священной Лхасы, какого счастья не был удостоен в своё время даже Н.К.Рерих. Лекай также мечтал проникнуть в Ирак, и объехал его почти со всех сторон, пытаясь получить визу в Москве, Баку, Тегеране, Дамаске, но Ирак пока остался неприступен.

С. Лекай оказался самым весёлым из нас человеком. Все проблемы, которые пытались нам изготовить местные жители, он возвращал им обратно. «Сюда нельзя! здесь вход только для эфиопов!» – «А мы эфиопы», – серьёзно отвечает С. Лекай. «Здесь нельзя находиться! здесь военная зона!» – «А мы и есть военные», – отвечает он. «Осторожно! здесь нельзя ночевать! здесь воры, разбойники, грабители!» – «А мы и есть грабители!..» Когда же в посольстве ЮАР с нас потребовали приглашение, он с серьёзным, как всегда, видом подsunул им вырезанный из журнала портрет Нельсона Манделы с текстом «Приглашаю вас в ЮАР!», и сотрудники посольства поксерили его и отправили по факсу куда следует. Правда, визу ЮАР нам тогда не дали, но в этом Лекай с Манделой были не виноваты.

Сенов и Лекай совершили несколько героических подвигов: во-первых, они (в совокупности с В. Шарлаевым и О. Костенко) забрались на высочайшую гору Африки, Килиманджаро (5895 м); во-вторых, посетив Танзанию, они вдвоём поехали в Мозамбик в то время как мы, остальные шестеро, тусовались на противоположном берегу континента, в Намибии; если же писать подробности их приключений, то выйдет целая книга, которую, между прочим, неплохо бы написать им самим! Проведя в поездке девять месяцев, Лекай прилетел из ЮАР в Москву – а Сенов, как уже упоминалось, в США.

Комплект 2. Шарлаев & Костенко.

Житель Петербурга **Владимир Шарлаев** (1979 г.р.) уже в третий раз он участвовал в наших великих экспедициях. В первый раз он побывал с нами в Индии (февраль-май 1998 года), он был тогда стажёром ПЛАС (Петербургской Лиги Автостопа). Спустя год мы путешествовали по Судану, и тогда он был уже полноценным членом – «номером» ПЛАС, на его рюкзаке красовалось число «81». Теперь статус его ещё вырос, и Владимир Шарлаев участвовал в поездке в качестве не только Номера, но и Президента ПЛАС. Предыдущий Президент и Основатель ПЛАС Алексей Воров передал свои полномочия Шарлаеву, но так как Вовка всё время вместо того, чтобы президентствовать, путешествовал по миру, – через пару лет статус-кво было восстановлено.

Посольство Судана в Москве почему-то не поспешило выдать визы сему Президенту, а также и следующему участнику экспедиции, О. Костенко.

Пока они безуспешно ожидали визу Судана, прошёл месяц, и остальные мы уже достигли Египта. Когда выяснилось, что получение визы Судана в Каире также затруднено, они отправились в Африку самым интересным маршрутом – через Армению, Иран, Оман, Йемен и Джибути они приехали в Эфиопию, где и встретились с остальными.

Вовка оказался самым инициативным членом экспедиции, и только благодаря его стараниям некоторые из нас получили визу ЮАР, которую нам не хотели выдавать без приглашения. В. Шарлаев отснял во время поездки около 70 фотоплёнок на свой большой фотоаппарат «Pentax», который впоследствии, в ЮАР, у него был похищен.

Олег Костенко (1974 г.р.), неизменный напарник В. Шарлаева в протяжении больше чем полугода, – явился самым высшим членом нашей экспедиции (он обладал ростом 196 см). Отметив ещё в Москве своё 26-летие, он оказался самым старшим из проникших в глубины Африки. Также он обладал самым тяжёлым зелёным рюкзаком (вес его временами превышал 30 кг) и собирал его дольше всех. Эти свойства Олега мы замечали ещё раньше,

в других экспедициях АВП: он ходил с нами по рельсам заброшенной Трансполярной Магистрали (август 1998) и ездил по зимникам в холодный Нарьян-Мар (январь 2000).

В конце мая Шарлаев и Костенко улетели из Йоханнесбурга в Москву, и на африканской земле осталось лишь двое мудрецов. Это были

Комплект 3. Степанов & Мамонов.

Кирилл Степанов (1981 г.р.) оказался самым юным участником экспедиции: уже во время поездки, в Сирии, ему стукнуло 19. Несмотря на молодость, он оказался самым прожорливым. Раньше он никогда не ездил в столь дальние вольные путешествия, и я и не думал, что он доберётся дальше Египта. Однако, К. Степанов вместе с нижеописанным А. Мамоновым сделались весьма самостоятельными и инициативными участниками экспедиции. Впервые в нашей автостопной истории они открыли для вольных путешественников новую страну – Малави и посетили немало и других «эксклюзивных» мест, а потом вернулись назад по Западному побережью Африки, что никто не делал (из наших соотечественников) прежде.

Житель Воронежа **Андрей Мамонов** (1977 г.р.) появился в Москве примерно за месяц до старта. Он был совсем вольным человеком и имел неограниченное количество свободного времени. Последний месяц перед стартом Андрей зарабатывал деньги, торгуя CD-дисками у метро «Петровско-Разумовская», сделал вместе с нами все визы, кроме суданской, и присоединился к нам. Суданскую визу ни Андрей, ни Кирилл не получили, так как заказали её позже остальных, а суданские посольщики проявили свою неторопливую сущность. Поэтому в Каире Кирилл с Андреем изучали методы заработка, добывая недостающие деньги на авиаперелёт Каир – Аддис-Абеба.

Кирилл и Андрей остались верны Африке тогда, когда все остальные уже улетели оттуда. Об их дальнейшей судьбе написано в конце книги.

Комплект 4. Кубатьян & «Кактус».

Гриша Кубатьян (1977 г.р.) уже известен читателю по книге «Это ты, Африка!» – в минувшем году он провожал нас до Египта, а оттуда улетел домой на самолёте за небольшие деньги, с помощью наших посольщиков и аэрофлотчиков. На этот раз Гриша мечтал проделать с нами весь, желательный кругосветный, путь, но история повторилась. Гриша улетел из Аддис-Абебы в Москву, вновь по удешевлённому тарифу, при помощи сотрудников посольства РФ и Аэрофлота. Причиной такого улёта были «все болезнями мира» – малярия, амёбная дизентерия, сальмонеллёз и т.д., – которые подцепил в Африке сей Гриша, а также и другой участник поездки, Юра Генералов, по кличке Кактус.

Юрий Генералов, описанный в моей книге под кличкой «**Кактус**» (1979 г.р.), в отличие от Кубатьяна, раньше не участвовал в поездках АВП. Лишь один раз он пошёл с нами в однодневный пеший поход, но вскоре утратил самоходность. Заветной мечтой г-на Кактуса было посещение далёкой страны США. Но в Москве ему дважды отказывали в визе той страны, и он надеялся попасть в страну ту «с чёрного хода», прокатившись предварительно по Африке. Спасибо русским врачам в Аддис-Абебе, что кое-как подремонтировали заболевших, и нашему консулу, организовавшему для Кактуса и Кубатьяна особо дешёвые самолётные билеты.

Комплект 5. Лапшин & Кротов.

Создатель сайта АВП, работник центра детско-юношеского туризма г. Дубна, **Григорий Лапшин** (он же Грил) впервые в своей жизни оказался в зарубежных странах. До этого он ездил только в пределах нашего Отечества: на Байкал, на Кавказ и др. Грил, в мирской жизни руководя походами детей, и сейчас проявлял свои командирские и организаторские таланты, всю дорогу пытаясь нами руководить. Хотя мы, прочие люди, оказывались непо-

слушными детьми и плохо следовали его заветам, Грил не обижался и даже не замечал того, продолжая щедро раздавать свои советы и указания.

И другие свойства имел он: любил Интернет и в любом городе старался найти его; активно дружил со всеми представителями русской общины во всех странах Африки, рассказывал им о нашей сущности и старался извлечь для всех различные блага; записывал все полезные сведения, телефоны и имена, когда другие ленились; вёл наиболее трезвый образ жизни и пьянству и другим плотским порокам никогда не предавался. Зародившись в 1975 г., Лапшин был третьим по старшинству, после Костенко и Лекая.

О десятом участнике экспедиции, о его сущности, мыслях и поведении вы имеете возможность познакомиться вскоре, ибо ему, а точнее, мне, **А. Кротову**, принадлежит всё дальнейшее повествование.

Параллельные кругосветчики.

В то время, пока мы вдесятером (а затем ввосьмером) перемещались по востоку и югу Африканского континента, – наши коллеги и друзья, **Игорь Фатеев** («Бродячий проповедник») и его жена Даша Фатеевы, оба кришнаиты, – проводили своё собственное путешествие.

Среди всех известных мне людей Игорь Фатеев к 2000 году был одним из самых опытных вольных путешественников: на сегодняшний день его стаж составлял почти 500.000 километров. Больше, чем он, проехал только основатель Петербургской Лиги Автостопа, Алексей Воров¹; мы же, сегодняшние «африканцы», даже не будем указывать свой километраж, чтобы не позориться. Игорь объездил пол-Союза, побывал и на Сахалине, и в Чечне, в Средней Азии, а теперь направился в путь (с женой Дашей, с головы до ног увешанной фенечками) по такому маршруту: Москва – Венгрия – Румыния – Болгария – Турция – Сирия – Иордания – Египет – Ливия – Тунис – Алжир – Марокко – Мавритания – Сенегал; из Дакара Фатеевы собирались уплыть в Новый Свет и продолжить путешествие там. Их путешествие имеет интересную особенность: из Москвы они выезжали, имея ноль рублей и ноль долларов.

Визы Египта, Туниса, Марокко и Мавритании им удалось получить даром в Москве; сирийская и иорданская виза были, также бесплатно, получены в Стамбуле. За полтора месяца сии кришнаиты добрались до Египта, где их ждало огорчение: визу Ливии там не выдавали ни платно, ни бесплатно. На момент нашего приезда они уже недели две тусовались в Российском Культурном Центре в Каире и изыскивали методы переплыть или перелететь в Тунис.

Игорь с Дашей регулярно находили во всех странах бесплатный Интернет и посылали в Россию и нам огромные электронные письма, с подробнейшими описаниями своих очередных приключений, чтобы мы не забывали, что в Африке нас не десять, а двенадцать человек.

Провожаящие.

¹ Данные на 2000 год: у Фатеева было почти пол-миллиона километров, у Алексея Ворова 1,200,000. На момент подготовки нового издания книги в печать (2016), у Алексея Ворова 1,980,000 км (скоро два миллиона). Мы расстались с кришнаитами в Каире, а последующее путешествие Фатеевых было таково. Не найдя способов перебраться из Египта в Тунис (пароходов не было, а самолёты были очень дороги), – они вернулись в богатую Иорданию и там за пять дней насобирали нужную на перелёт сумму. Оказавшись в Тунисе, они не смогли попасть в Алжир и были вынуждены насобирать денег и там – уж на самолёт в Марокко. Через пару месяцев вечно безденежные, но довольные путешественники оказались в Мавритании, где и осели на многие месяцы. Потом они попали на острова Зелёного Мыса, откуда улетели в Бразилию, получив скидку 75% на билеты (оставшиеся 25% они насобирали). Игорь и Даша обосновались в Бразилии и живут там (правда порознь) уже около тринадцати лет. – Примечание 2016 г.

Как всегда в таких поездках, – находятся люди, которые пока не могут выбраться в многомесячное путешествие, и поэтому провожают нашу компанию на определённом этапе. Таких провожающих было на этот раз шестеро.

Паша Марутенков из подмосковного Оболенска, участник прошлогодней поездки в Судан и недавней зимней прогулки в Нарьян-Мар, – поначалу собирался проехать с нами весь предстоящий путь. Тогда бы он в свои тридцать лет стал самым старшим участником экспедиции. Паша доехал с нами до Египта, но визу Судана на сей раз получить ему не удалось. Через некоторое время его одолели мысли о Родине и он улетучился домой.

Москвич **Митя Фёдоров**, чья путешественническая жизнь началась с АВП-поездки в Таджикистан (1999), посещал с нами также заполярный Нарьян-Мар (январь 2000), а теперь провожал нас до берегов Красного моря. Именно в паре с ним я и преодолел 5000 километров начального этапа – через Киев, Одессу, Софию, Анкару, Алеппо, Дамаск. попрощавшись с нами в иорданском порту Акаба, Митя Ф. поехал скоростным автостопом через Грузию домой – спешил к началу учебного года. В свои 17 лет он явился самым юным из всех, отправившихся с нами на юг.

Ещё раньше, в Дамаске, столицы Сирии, мы расстались с удивительными самоходными бабушками. **Нина Кутузова** (69 лет) и **Тамара Копейко** (59 лет), воодушевившись идеей вольных путешествий и справками АВП, направились из Москвы через Венгрию, Румынию, Болгарию, Турцию в Сирию, а потом обратно домой через Грузию. На всё своё путешествие протяжённостью 10.000 километров они потратили полтора месяца времени и по четыре доллара денег.

Также до Сирии провожал нас ещё один вольный путешественник, Витя Ветров, знаток фарси и арабского языков.

Был и ещё один провожающий, Миша Кошелев из Калуги. В предыдущей поездке (Судан, 1999) он проехал с нами до Турции, а по пути, вместе с остальными, попал в Батуми в шестидневное заточение. В последующей жизни Миха утратил свой загранпаспорт, и поэтому на сей раз его участие в путешествии было совсем скромным. Мы проехали вместе самый первый отрезок пути, от Москвы до Калуги, где нас и догнал мой следующий напарник – Митя Ф.

Таков был состав людей, что летом 2000 года направились на юг.

Визы Сирии, Иордании и Эфиопии все мы сделали заранее. Шестерым также повезло получить визу Судана. Остальные визы – Турция, Египет, Кения, Танзания и другие – мы планировали получать по дороге. Денег на святое путешествие мы заготовили сколько у кого было – каждый из участников экспедиции зашил в одежды и в рюкзак от ста до тысячи долларов. Поехали!

Автостопом от Москвы до Каира, через Киев

Путешествие автостопом от Москвы до Каира заняло у меня почти месяц.

Выехал из Москвы в сторону Калуги утром 26-го июля, а приехал в Каир днём 24-го августа. Позади осталась Россия, Украина, Румыния, Болгария, Турция, Сирия и Иордания. Об этом путешествии можно было бы написать отдельную книгу. Но сейчас я спешу привести читателя на горячую землю Африканского континента, поэтому о начальном этапе поездки расскажу лишь вкратце.

В утро моего отъезда дома на подоконнике расцвёл белым цветком огромный кактус, словно провожая меня в дорогу. Кактус этот был подобран мною на помойке лет восемь назад; нижняя половина его пожелтела, и её пришлось обрезать и посадить в горшок местом среза. За истёкшие годы кактус выжил, укоренился, увеличился в размерах, но никогда ни до, ни после этого не цвёл.

Из Москвы в Калугу я ехал вдвоём со своим калужским другом Михой Кошелевым². Он и стал самым первым моим провожающим. Вечером того же дня (26 июля) в Калугу приехал мой следующий напарник, Митя Фёдоров, и наутро 27-го мы продолжили путь на юг.

Движение наше оказалось медленным. Мы приехали в Киев только под вечер 28-го июля, где принял человек по имени Александр, живущий на ул. Танкистов. Он очень приятно нас встретил, накормил и вписал, а на другой день показал нам город Киев. Через сию книгу выражаю ему благодарность!

Утром 30 июля мы прибыли в Одессу. Там нас приютила родственница моей мамы, тётя Шура. Полдня мы гуляли с Митей по Одессе, смотрели Дерибасовскую пешеходную улицу, созерцали порт и искупались в море. По сравнению с южными морями, Чёрное море является весьма холодным, но мы сейчас этого не ощущали.

Границу бывшего СССР мы пересекали на крайнем юго-западе Украины, недалеко от Рени. Интересно, что между Украиной и Румынией здесь имеется полоса (метров триста) молдавской земли, с соответствующими таможнями.

Румынию пересекли за день, а вот в Болгарии, как и в прошлом (1999) году, автостоп оказался небыстр и мы поехали поездом. В Софии были вечером 2-го августа.

В Софии нас с Митей приютили знакомые моих родителей Мадлен и Наталья. Они показали нам удивительно красивую болгарскую столицу. Болгария вообще уютная для вольного путешественника страна, ведь все надписи – кириллицей, и язык, близкий к нашему. Жаль, что с осени 2001 года Болгария станет визовой, а пока мы гуляли по ней свободно, поставив обычный штамп на границе.

Побывали и в Пловдиве, посмотрели «памятник Алёше», возвышающийся над городом в честь побед Советской Армии. Тот самый, о котором все мы в школе учили стих:

«...Белеет ли в поле пороша,
Иль долгие ливни шумят,
Стоит у дороги Алёша,
В Болгарии русский солдат.»

Повсюду было солнечно и вкусно, а вот с автостопом нам в Болгарии не сильно повезло. От Пловдива до границы мы опять поехали на поезде, презрев заветы более строгих автостопщиков, не пользующихся рейсовым транспортом. У меня впереди ещё были воз-

² Это про него я в 2000 году сочинил стих: «На свете нету лучше друга, / чем Миха Кошелев (Калуга). / Желая в жизни перемен, / Построил он себе дольмен...» и т. д.

возможности поавтостопить: по одной только Африке я проехал автостопом более 30.000 километров.

Турция сохранила свойства цивилизной и европейской по виду страны, какими обладала и в прошлый наш приезд. Дороги были хорошими, еда – дорогостоящей, и за полтора дня мы проскочили её. Седьмого августа мы были уже в Сирии.

В Сирии, вскоре после нашего прошлогоднего визита в эту страну, умер вечный Президент Хафиз Асад, правивший тридцать лет. Новым Президентом стал его сын, Башар Асад. На прошедшем недавно всенародном референдуме Башар получил 99% голосов, а многочисленные портреты прежнего лидера дополнили столь же избыточные изображения нового.

Консульство РФ в Алеппо встретило нас по-восточному гостеприимно; все накопившиеся автостопщики были поселены в гостевой домик на территории посольства. Со страниц этой книги я выражаю сотрудникам консульства РФ в Алеппо горячую благодарность всех нас! А через несколько дней после нашего отъезда в Алеппо появились две самоходные бабушки, Нина Артёмовна Кутузова и Тамара Александровна Копейко! Они проехали автостопом из Москвы через Венгрию, Румынию, Болгарию, Турцию до Сирии и сейчас направлялись на общую автостопную встречу в Дамаск.

Из Алеппо мы направились на восток, как и в прошлом году (1999). Ехали втроём – Гриша Кубатьян, Митя и я. В Мансуре вечером пытались найти гостеприимного однорукого человека, у которого останавливались в прошлой поездке. Но, вероятно, в посёлке что-то изменилось, возможно построили новые дома, и нашего прошлогоднего знакомого в тот вечер мы так и не нашли.

Вообще же сирийский народ остался таким же гостеприимным и радушным, как прежде. Напроситься на ночлег удавалось и в дома, и в монастыри. А на трассах нам останавливались почти все. В одном месте под Пальмирой нам застопилась «Скорая помощь», в которой везли умирающего окровавленного ребёнка. Помимо него, в машине ехали водитель, врач, бабушка и родители больного. Удивительно, что нам остановились, тоже подобрали – и мы поехали в сторону Дамаска. Километров через пятнадцать ребёнок умер, нас высадили, мать заголосила, и «Скорая» с уже мёртвым ребёнком повернула обратно, в Пальмиру.

Кроме Пальмиры, мы облазили крепость Калаат-Джабар, находящуюся на берегу Водохранилища имени Хафиза Асада. До крепости нам пришлось идти пешком 20 километров по пустыне, так как местные жители послали нас «срезать дорогу»: там, по их словам, было напрямик всего 1 км. Было очень жарко, но, по счастью, мы шли вдоль Водохранилища Х. А., и могли регулярно купаться (вода прохладная и чистая). Когда же мы с трудом дошли до Джабара, оказалось, что туда ведёт неплохая, хотя и извилистая, асфальтовая дорога, и обратно мы уже уехали.

Побывали также в двух монастырях – в Маалюле и Сейднае, причём, в отличие от прошлого раза, мы побывали в них обстоятельно и переночевали в обоих. Так насладившись сирийским гостеприимством, мы прибыли в Дамаск.

Российский Культурный центр в Дамаске стоял на прежнем месте. За полтора года, прошедших с предыдущей нашей поездки, в Сирию по нашим стопам направились десятки людей. Все они, автостопа, надеялись на ночлег в Культурном центре в Дамаске. Новый директор РКЦ, Дмитрий Леонидович Завгородный, просил передать всему человечеству, что РКЦ – не гостиница, и чтобы все последующие автостопщики, приезжая в Дамаск, направлялись бы в ночлег в иные места! Впрочем, нас он пустил («В качестве исключения! в последний раз!»), за что ему – огромная благодарность!

Итак, пятнадцатого августа 2000 года в Дамаске собралось двенадцать автостопщиков: «кругосветчики» Ю. Генералов, А. Кротов, Г. Кубатьян, Г. Лапшин, С. Лекай, А. Мамонов, О. Сенов и К. Степанов, «провожающие» В. Ветров и М. Фёдоров, и «самоходные бабушки»

Т. Копейко и Н. Кутузова. П. Марутенков находился в этот момент ещё в пути и на стрелке в Дамаске не появился. Не было видно и ещё двоих – О. Костенко и В. Шарлаева, более того, они ещё ожидали суданскую визу в России.

Возле РКЦ в Дамаске, все участники экспедиции, включая провожающих. Стоят: Н. Кутузова, А. Мамонов, Г. Лапшин, Д. Завгородный (директор РКЦ), Ю. Генералов, Митя Фёдоров, К. Степанов, Т. Копейко, С. Лекай. Сидят: О. Сенов, В. Ветров, А. Кротов, Г. Кубатьян.

В Иордании нам удалось искупаться не только на Мёртвом Море, но и на горячих источниках. Это такие речки солоноватой воды, температурой около +40, вытекающие из узкого ущелья прямо в Мёртвое море. Ущелья сии являются традиционным местом отдыха иорданцев, и мы тоже, подобно местным жителям, провели полдня в горячих водах.

Как уже известно читателю моих предыдущих книг, – между Иорданией и Египтом на узком перешейке обосновалось государство Израиль. Израильская виза в вашем паспорте делает вас нежелательным лицом во многих арабских странах. Поэтому, как и в прошлой поездке, мы перебрались из Иордании в Египет на пароме, который стоит \$20.

В прошлый раз мы сделали визу Египта заранее дома; сейчас мы не озаботились ею, мечтая овизиться прямо в Нувейбе, в порту приплытия. Еще полтора года назад все туристы, включая и русских, могли получить визу в порту приплытия. Но вот незадача: уже полгода, как виза Египта для русских перестала выдаваться в точке въезда!

Первым отправился в Египет без визы Гриша Кубатьян. Удивлённые чиновники после долгих размышлений всё же поставили ему визу и пропустили его в Египет – в качестве исключения. Но когда на другой день в Нувейбу приплыли уже пятеро русских – Кротов, Лапшин, Лекай, Марутенков и Сенов – визу нам ставить отказались! Пару часов продержали в порту и посадили на пароход обратно – уже бесплатно. Это было вполне в стиле египетских ментов и чиновников, от них мы и в прошлой поездке (1999) натерпелись.

По счастью, в Акабе находилось консульство Египта, и мы сделали визы в течение получаса и вернулись опять в Египет, куда нас наконец пропустили без проблем. На таком плавании туда-сюда мы потеряли два дня и по двадцать лишних долларов на паром, но получили ценный опыт.

Паром через Акабский залив

Кстати, напоминая читателю, что выдача виз всех стран то усложняется, то упрощается, каждый раз это нужно заново узнавать. Одни страны становятся визовыми, другие безвизовыми, а в третьих случаях в одном месте взять визу просто, а в другом сложно. Всё это переменчиво.

Египет

24 августа, четверг. Здравствуй, Африка!

24 августа, почти через месяц после старта, мы собрались вместе в крупнейшем городе Африки, Каире, в таком знакомом мне Российском Культурном Центре. Двое – Кубатьян и Кактус – уже побывали в РКЦ и направились на юг страны, в Асуан; другие семеро (Кротов, Лапшин, Лекай, Мамонов, Марутенков, Сенов и Степанов) членов нашей мудрейшей экспедиции бурно радовались воссоединению на землях Африканского континента. Помимо нас семерых, в РКЦ обитали ещё два мудреца – Игорь Фатеев («Бродячий проповедник») со своей женой Дашей.

Как читатель уже знает, Кришнаиты Игорь с Дашей они решили совершить кругосветное путешествие по своему собственному маршруту, имея на старте абсолютный ноль долларов и рублей. Визы Египта, Туниса, Марокко и Мавритании они получили в Москве бесплатно. С визами Сирии и Иордании в России им не повезло – посольства хотели денег, но в Стамбуле они получили безденежно и эти визы. По десять долларов на турецкую визу, а также деньги на паром Акаба – Нувейба они собирали у местных жителей по дороге. А вот с визой Ливии вышла незадача – посольство Ливии не торопилось выдавать им визы, ни платные, ни бесплатные. Кришнаиты тусовались в Культурном центре уже долгое время, около месяца, питаясь бесплатно в харчевне «кошери» и изучая методы проникновения в Тунис. Срок годности визы Туниса, который истекал, удалось им продлить здесь, в посольстве Туниса в Каире, но методы попадания туда пока не просматривались. Посольство России в Египте уже не очень ценило мудрецов автостопа, и рекомендательное письмо выдавать кришнаитам отказались.

По той же причине, что посольство РФ уже не оказывало автостопщикам своё покровительство, остались без суданской визы Андрей Мамонов и Кирилл Степанов. Посольство Судана в Каире требовало рекомендательное письмо, а его невозможно было получить. Существуют в природе и иные письма, очень похожие на рекомендательные, но и таковых наши спутники не получили. Андрей и Кирилл ходили озабоченные, изучали стоимость билета на самолёт до Эфиопии (это было не менее 300 долларов на человека) и готовились зарабатывать деньги в египетской столице.

Директор Российского Культурного Центра захотел познакомиться с нами, это оказался не тот директор, что принимал нас в прошлой поездке: как и в Сирийском РКЦ, начальство сменилось. Новый директор был моложе прежнего.

Долгое проживание разных автостопщиков в его центре смущало директора, но и не торопился выгонять нас на улицу. Я заверил директора, сказав, что проблем с визами и деньгами у нас не имеется, и через пару суток наша команда отправится в дальнейший путь. К сожалению, так оно не оказалось, и после моего отъезда некоторые члены экспедиции ещё долго зависали здесь, зарабатывая деньги в Каире, о чём будет ещё сказано ниже.

Вечером Игорь повёл меня в Интернет-кафе, где я впервые в своей малокомпьютерной жизни залез на свой электронный «почтовый ящик». Раньше я практически никогда не пользовался интернетом в своих путешествиях, да и мало его встречалось на планете. И только в этой африканской поездке мне предстояло оценить его – в первую очередь, как дешёвое и быстрое средство связи.

С интересом прочитал свою электронную почту и узнал, что последние два участника мудрейшей экспедиции О. Костенко и В. Шарлаев до сих пор ещё находятся в России. Догонят ли они нас, предстояло нам узнать только в отдалённом будущем.

25 августа, пятница. Встреча в Культурном Центре.

Завтра у меня – месяц со дня старта. Подготовительный этап завершился, мы в Каире! Сегодня – день всеобщего отдыха, помывки, стирки, бесед и покупок, на то она и пятница, всеобщий мусульманский выходной.

Но мне, в отличие от остальных, надо было поторопиться. Я получил свою суданскую визу раньше всех, 5 июля; в визе значился последний день моего возможного въезда в Судан – 5 сентября. Паром ходит раз в неделю; я знал, что последняя дата моего возможного отправления в Судан – 28 августа, а уже 27 августа, послезавтра, я должен был встречаться в Асуане с Кубатьяном и Кактусом, тоже имеющим скоропротухающую суданскую визу и спешащим уплыть на этом же пароме.

Торопясь, я решил не подвергать себя риску застрять в процессе египетского автостопа и поехал на вокзал покупать себе цивилизный билет на поезд. Тут в Египте есть всего три поезда Каир – Асуан, пригодные и для проезда иностранцев. Прочие, локальные, более бомжовые и дешёвые поезда используются только местными жителями. Чтобы затруднить интуристам пользование ими, их расписание имеется только на арабском языке. Когда будет время, изучу их сущность, а пока надо поторопиться. Покупаю билет во второй класс «буржуйского» поезда, заплатив около 40 суданских фунтов (\$13).

Вечер прошёл в разговорах. Интересно, кого, когда и где из сегодняшних гостей РКЦ я встречу в будущем? Удастся ли кришнаитским кругосветчикам уплыть в Тунис, а Паше, Андрею и Кириллу – улететь в Эфиопию? Читателю удобнее, он может заглянуть на двадцать страниц вперёд; но мы тогда сделать это, конечно, не могли.

26 августа, суббота. Цивильный поезд. Хитрый ночлег в Асуане

Встал в шесть утра, опасаясь проспать. Над Каиром – великий утренний туман, тепло и сыро, как в общественной бане. Красное утреннее солнце, напоминающее луну, выползая из-за горизонта, медленно протискивалось сквозь туман. Сегодня у меня – месяц со дня старта.

Я попрощался с теми, кто уже успел проснуться, и побежал на метро. В Культурном центре осталось восемь автостопщиков. Марутенков, Степанов и Мамонов, не получив суданских виз, готовятся лететь из Каира прямо в Эфиопию. Другие трое (Лекай, Сенов и Лапшин), имеющие визу Судана, поедут туда неделей позже нас. Супруги Фатеевы будут продолжать попытки достичь Туниса – водным или воздушным путём. Интересно, как сложится их судьба?

Вскоре я был уже на вокзале. Подогнали поезд, и я поспешил в свой вагон вместе с прочими, египетскими пассажирами.

В прошлом африканском путешествии, продираясь автостопом по южному Египту, мы всё время застревали на разных полицейских постах, где египетские полицейские всячески мешали нам ездить автостопом, высаживали из машин, задерживали, пытались посадить в автобус, в поезд и проч. В данный момент можно сказать, что эта политика египетского правительства одержала маленькую, но очень важную победу! Я мирно ехал в поезде и смотрел в окно.

Вагон второго класса был сидячий, с синими самолётными креслами, довольно чистый, каждый пассажир занимал только своё кресло, никто в проходе не стоял, – цивилизно, в общем. Кондиционеры шпарили на всю катушку, как в вагоне-холодильнике. Я замёрз и даже подумал залезть, сидя, в спальник, и только присущая мне лень помешала мне это сделать сразу.

Вдоль железной дороги шли бесконечные пригороды Каира: четырёхэтажные облезлые дома, бараки. Все дома выходили окнами на железную дорогу; мусор бросали прямо из окон, из-за чего под каждым домом выросла свалка.

Деревья, росшие внизу, были все увешаны мусором. На верёвках снаружи каждого окна сушилось бельё. Вот на поверхность вылезла линия метро; она идёт прямо рядом. На платформах скопились каиряне, едущие в центр на работу, точно как москвичи. Между линиями железной дороги и метро, на узкой полоске земли, чинно расселась на завтрак целая семья. Вот метро и дома прекратились; за длинным, исписанным забором протянулся вдоль ж.д. секретный объект. Над объектом видны будки для охраны: старые, ржавые, с остатками пыльных стёкол в выбитых окнах. Объект кончился. Вот гонят стадо овец; вот женщина в чёрном копается палкой в огромной свалке, а вот продолжение этой свалки – мусорный слой толщиной два-три метра дымится, и его дым смешивается с утренним туманом, делая его ещё гуще и липче. Вот две женщины шагают по свалке и читают одну газету на двоих, прямо на ходу.

Вот пошли финиковые пальмы, поля, поля, каналы, финики, финики, крестьяне, трава, поля, опять пальмы. Вот человек злобно кидается камнями в птицу, посмевающую отведать фиников, но птица делает вид, что не замечает.

Вот в вагон зашёл седобородый продавец святых книжек, в шлёпанцах и ослепительно белом халате, произнося по-арабски некоторую рекламу нараспев. Продавец прошёл по вагону и положил каждому на колени стопку книжечек, чтобы каждый мог полистать и выбрать по душе. Мне не положил: видит, что я белый, значит не умею читать. Я подглядываю, что за книжки дали моему соседу, египтянину. На одной обложке нарисована могила, череп и змея, написано что-то по-арабски. Вот продавцу из другого конца вагона протягивают 5 фунтов. Продавец подсаживается к покупателю и что-то долго ему объясняет.

Поезд едет очень быстро. Остановки краткие. В вагоне становится всё холоднее и холоднее. Я всё же достал спальник, завернулся в него и задремал. В 17.30 миновали Луксор, а примерно в девять вечера поезд прибыл на конечную станцию, Асуан. Средняя скорость поезда получилась более 70 км/час! При том, что на основных магистралях России 55—60 км/час и только на линии Москва-Питер поезда ходят быстрее.

Город Асуан уже хорошо знаком мне. Здесь полтора года назад мы с Вовкой Шарлаевым несколько часов искали ночлег, и устроили скандал в коптском храме, вопрошая: что важнее – Бог или правительство, запрещающее вписывать иностранцев в доме Божьем?

Теперь уже, зная свойства асуанских храмов и людей, я решил найти укромное, тёмное место и переночевать там, не привлекая внимания. И впрямь, такое место вскоре подвернулось в некотором парке. Я решил не спать на скамейке и не ставить палатку, а замаскировавшись, улёгся под кустом.

Но мой расчёт оказался неверен. Несмотря на поздний час, в парке время от времени появлялись люди. Два человека прошли мимо моего куста (но не заметили меня). Зато третий, увидев под кустом в парке что-то, оказавшееся белым мистером, подошёл поближе и долго увещевал меня по-арабски, уверяя, что под кустом спать нельзя.

Я сделал вид, что не понимаю, и попытался заснуть, но человек не успокоился и продолжил своё бормотание:

– Спать здесь не можно! Иди отсюда! Спать здесь не можно!

Наконец он мне надоел, я встал и медленно начал собирать спальник. Египтянин не уходил, а терпеливо ждал. Когда мои сборы закончились, он поманил меня за собой. «Может быть, вписку предлагает?» – подумал я и пошёл за ночным гостем.

Поведение его было в высшей степени странным. Он повёл меня на другую сторону парка, затем через пустырь и свалку в тихий ночной квартал (здесь он живёт? – подумал я). Затем подобрал старую циновку на улице (гм, для меня?) и пошёл с циновкой и со мной дальше. На тёмной ночной улице стояла деревянная лодка. Египтянин спрятал в эту лодку свою циновку и, пройдя далее, вывел меня на некую трассу. Застопив машину, он увёз меня в отдалённый пригород Асуана, который назывался Махмудия.

– Ну, где спать будем? – вопрошал я.

– Сейчас-сейчас, подожди немного, – отвечал он.

Мы подошли к довольно высокому жилому дому. На освещённой лужайке перед ним сидели, вероятно, все его обитатели на стульях и курили кальяны.

«Наверное, он сейчас покурит и отведёт меня к себе в гости,» – наивно подумал я.

Но всё было не так-то просто. Египтянин начал курить, общаться с другими кальянщиками, заказал для меня маленький стаканчик чая (а где еда? – подумал я). Курил он часа два, и на все мои вопросы отвечал характерным арабским жестом: пальцы сложены в щепоть – значит, «надо немного подождать». Я решил из научного интереса дожидаться того, что мне хотят предложить, но уже начал дремать на стуле. И когда, наконец, ночь совсем стусутилась (на часах было 1.20) и кальянщики стали расходиться, египтянин завершил курение и повёл меня – обратно!

Застопив на ночном шоссе некую заблудшую машину, мы вернулись обратно в старые районы города. Проходя мимо сухопутной лодки, мой хелпер достал оттуда заныканную три часа назад циновку. Мы прошли по улочкам, через свалку и пустырь, и часа в два ночи оказались обратно в том же парке, откуда он меня вывел четыре часа назад. Расстелил старую циновку на траве и сказал:

– Спать здесь можно! спать здесь можно!

Сильно удивляясь, я лёг на циновку. Мой помощник ушёл, и темнота скрыла его от моих взоров.

27 августа, воскресенье в Асуане

В 6.30 утра меня растолкал вчерашний человек, пришедший за циновкой. Я понял, что пора, и покинул своё лежбище. Интересно, в чём причина странного поведения сего человека? Или в парке в 1.00 ночи и 7.00 утра проходят проверяльщики, выгоняя спящих? Или здесь запрещено спать без циновки? Кстати, в парке оказалось сыро, полно квакающих лягушек и больших жуков, а наутро неожиданно холодно (перед рассветом).

Итак, я отправился в город на главпочтамт, искать письмо, направленное мне в Асуан «до востребования». Город был в утреннем тумане. Я сел на свой рюкзак на набережной, ожидая открытия почтамта, и Асуан быстро разогрелся, сперва градусов до сорока. Интересно, что в такую жару мясные туши в лавках висят безо всяких холодильников, вокруг выются мухи, в общем, гигиена на высоте.

Когда новый главпочтамт открылся, мне там сказали, что «до востребования» надо искать на другом, старом почтамте; но там был такой беспорядок, что найти письмо не смогли. Зашёл в офис туристской информации; паром на Судан обещали завтра. Сказали, что в порту билет купить невозможно, нужно делать это здесь, в Асуане, в офисе фирмы «Nile Navigation».

Днём довольно долго сидел у главпочтамта, ожидая кого-либо из спутников. Тут, в Асуане, местные жители испытывают странную любовь к шариковым ручкам, хотя они продаются свободно и недорого повсюду. Со всех сторон слышится: «Give me pen!» (дай мне ручку!). Пример. Иду покупать манго. Почём манго? – полфунта! – покупаю манго, но не успел отойти, продавец видит ручку, торчащую из моего ксивника, и: «Give me pen!» Другой продавец – тоже, манго фунт, можно и за полфунта, но: «Give me pen!» Полицейский на перекрёстке: «Give me pen!» Сажу на набережной, дети окружают меня, и все наперебой: «Give me pen!» А ещё здесь ходят «фелюкамень», противно одинаковые мужики лет сорока в белых халатах, и совершенно одинаковым голосом предлагают покататься по Нилу на фелюке (деревянной лодке с парусом).

Вообще наше путешествие протекает уже месяц без каких-либо эксцессов, на удивление спокойно. Единственным казусом было плавание из Иордании в Египет, и тут же опять

в Иорданию за египетской визой, и вновь в Египет; что стоило нам потери двух суток времени и тридцати долларов с носа.

Больше ничего неординарного, всё так знакомо, но при этом замечаешь такие подробности, каких раньше не замечал. Я думаю, то же чувствует человек, после долгого отсутствия вернувшийся в родной край, где провёл своё детство. А завтра поплывём в мою родную Вади-Халфу. Как там? Не изменилось ли чего?

В назначенное время подошли Гриша Кубатьян с Кактусом, избавив меня от общества многообразных бродячих детей, скопившихся вокруг меня на набережной и мечтающих разжиться шариковой ручкой. А когда стемнело, мы покинули центр города и заночевали на его окраине, возле бетонной водокачки, где бродили, сидели и общались многочисленные люди, радующиеся, вероятно, по случаю какого-то мусульманского праздника (из мечети рядом доносились моления). Часть людей и ночью тусовались там, поэтому на нас в темноте никто не обратил внимания и в полицию не настучал. Египетские дети, взявшиеся наполнить водой мою канистру, потеряли по дороге пробку, но не устыдились этого и долго умоляли сфотографировать их, и мы удовлетворили их просьбу.

28 августа, понедельник. Отплытие в Судан

Конечно же, в городе Асуан, в конторе «Nile Navigation», где должны были якобы продаваться билеты на паром, – именно там их и не продавали. Значит, всё осталось по-прежнему, как и в прошлом году (1999), когда мы брали билеты прямо в порту за Асуанской плотинной (именуемой там Саад-эль-Али). Мы пошли на ж.д. вокзал, желая уехать до плотины на пригородном поезде. Пошли в кассу за билетом и обнаружили, что 50 копеек стоит билет туда-обратно, а в одну сторону – всего 30. Вот так оно, только перестали беспокоиться, сразу билет подешевел.

Приехали в порт. Как и в прошлом году, большая очередь темнокожих людей стояли в очереди в кассовую будку, и, как и в прошлый раз, некий меняла махал перед нами пачками денег и хвастливо говорил: «Суданыс!», предлагая обменять доллары на суданские деньги по прошлогоднему курсу 1:2000.

Пароход, еженедельно связующий Египет с Суданом, был, как всегда, наполнен грузами. В Вади-Халфу ехали египетские яйца, стулья, пластмассовые вёдра, коробки, свёртки, железки, ящики с виноградом и помидорами.

Под воздействием сорокаградусной жары указанные овощи тухли, и прямо в пути их перебирали, и протухшее выбрасывали за борт.

Капитан парохода, тучный седеющий дядька лет пятидесяти, был тем самым капитаном, который в прошлом (1999) году обнаружил примус, разведённый нами на палубе, и кричал:

– Мы плывём в Асуан!! Мы плывём в Асуан, чтобы сдать вас ментам!! Это египетский пароход!! Отдавайте примус!!

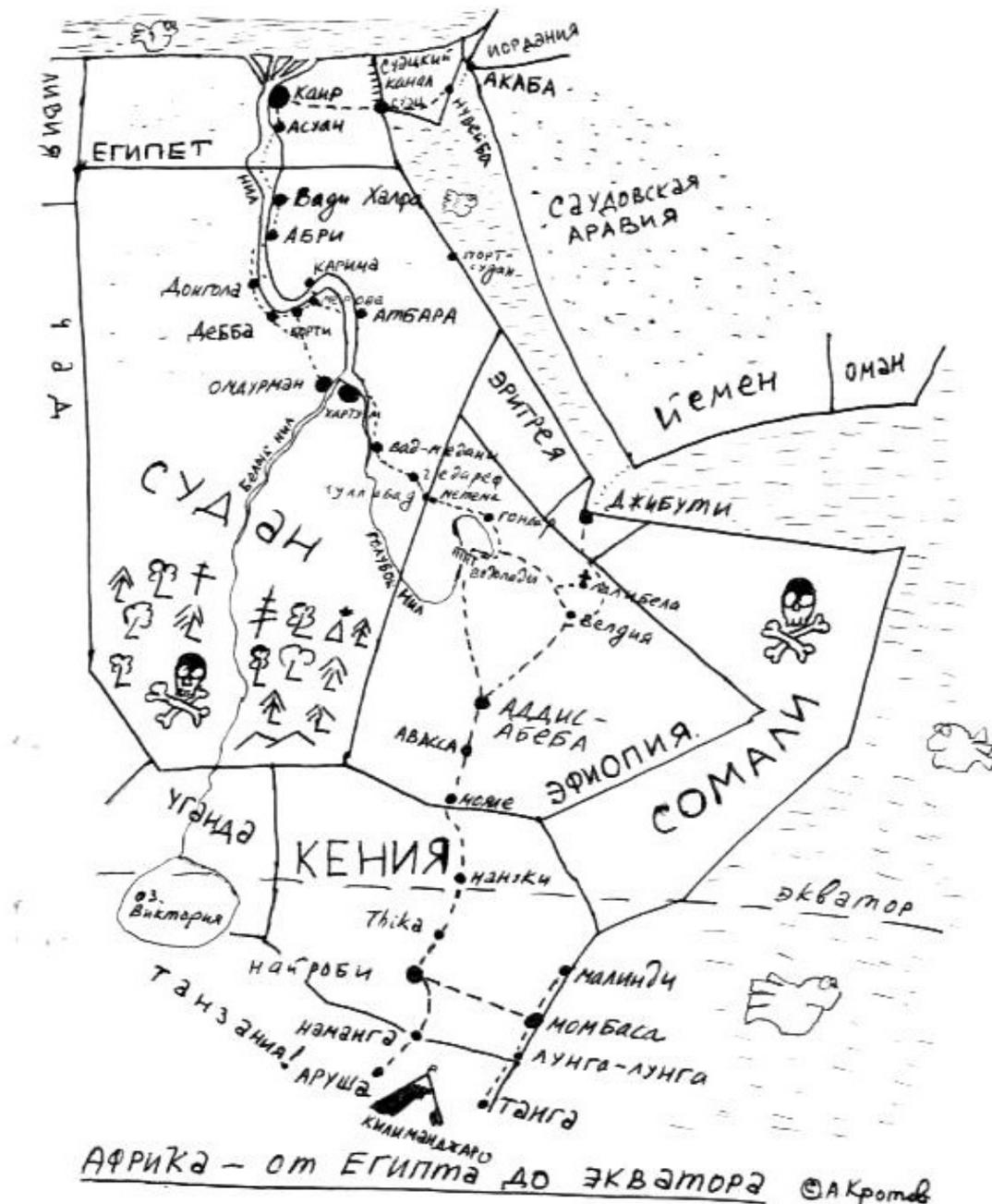
Теперь у нас не было примуса, а капитан меня не помнил, поэтому с радостью получил в подарок фотографию, где за штурвалом своего парохода он был запечатлён.

Помимо нас, на пароходе плыло ещё пятеро белых мистеров: два немца, два сирийца (если их позволительно назвать белыми мистерами) и один японец. Молодой японец принадлежал к той породе молодых японцев, которым дешевле путешествовать по миру, чем сидеть дома, в дорогой Японии; такие люди катаются год-два по миру и получают столь необходимое жизненное образование, которого не заменит более долгое и дорогостоящее традиционное обучение. Встреченный нами экземпляр находился в пути пока всего полгода; из Японии через Китай, Пакистан, Иран, Турцию он попал в Сирию, Иорданию и Египет, далее он ехал в Судан, Эфиопию и прочие страны, вплоть до ЮАР, а куда ехать после, он

пока не решил. Немцы же имели более скромные желания: добраться на поезде до Хартума и потом сбежать обратно в Египет.

29 августа, вторник. Прибытие в Судан!

Граница Египта и Судана маркирована круглыми плавучими шарами типа волейбольных. Линия их пересекает всё широкое водохранилище. Наш пароход «Sinai» долго крутился на месте, ожидая, пока к нам с берега подплывёт египетский пограничный катер и даст «добро» на пересечение границы. Наконец это произошло. Мы вплыли в суданские воды, и вскоре, часа через два, на горизонте показались берега и причал уже столь любимой мной Вади-Халфа.

Судан, Эфиопия, Кения: основной маршрут

За минувшие полтора года кое-что изменилось. Портовые службы Вади-Халфы приобрели моторную лодку, взамен той деревянной лодки с вёслами-обрубками, про которую написано в предыдущей книге. Прошлогодний хелпер с венлистыми руками, не советовавший ехать по миру без его помощи, на этот раз не успел встретить нас – мы быстро отправились на выход и с ним, вероятно, разминулись. Таможенники, как и в прошлый раз, не распаковывали ни один короб и не заглянули ни в один рюкзак, и так же, как в прошлый раз, половина жителей посёлка вышли встречать пароход.

Виза Судана у меня в паспорте

Судан

Пейзаж сельского Судана

Как и в прошлом (1999) году, между портом и основной деревней находилась лишь растрескавшаяся земля и развалины глиняных домов, когда-то размывтых половодьем. Было очень тепло. Мы зашли в один из домов уточнить дорогу, и сразу нас зазвали внутрь на отдых, чай и угощение. Мне было приятно попасть вновь на суданскую землю, где принято зазывать и угощать путников; Гриша и Кактус тоже возрадовались. Нам предлагали и переночевать, но мы отказались и, отягощённые пищей, потащились по песчаным улицам в сторону указанной нам трассы.

Но не успели мы дойти до края деревни и до людей, угощавших нас в прошлом году (1999), когда мы ждали машину, – как на юг поехала «Тойота» с пустым кузовом. Нам несказанно повезло – она ехала в Донголу. Но, так как торопиться нам не следовало, мы попросились с ней до следующей деревни, Акаши. Машина ехала быстро, в кузове страшно трясло, и всего через два с половиной часа мы, преодолев 115 км, были выпущены из машины там, где должна была располагаться Акаша, вторая от северной границы суданская деревня.

Как знает читатель предыдущей книги, все прочие деревни в плодородной долине Нила между Вади-Халфой и Акашей, на протяжении 115 км, были затоплены сорок лет назад, при строительстве Асуанской плотины, и поэтому здесь теперь была безжизненная пустыня: ни домов, ни пальмовых садов. Зато египтяне, наладив своё орошение и спасшись от наводнений при помощи этой плотины, очень довольны ею.

Машина уехала, а мы остались под звёздами одни и никак не могли понять, где деревня. Электричества в ней не было, и жилища нам пришлось буквально нащупывать в ночной темноте. Однако в первом же доме, где мы проявили свою путешественническую сущность, нас зазвали на ночлег; притащили деревянные кровати (вероятно одолженные из соседних домов); добыли даже переводчика – учителя местной школы, знавшего английский язык.

После долгих бесед мы успели заснуть, как вдруг нас разбудили – оказалось, хозяйка уже (ещё?) сварила нам неторопливый суданский фуль. Мы поели и заснули снова.

Так началось наше медленное путешествие по этой неторопливой, гостеприимной стране.

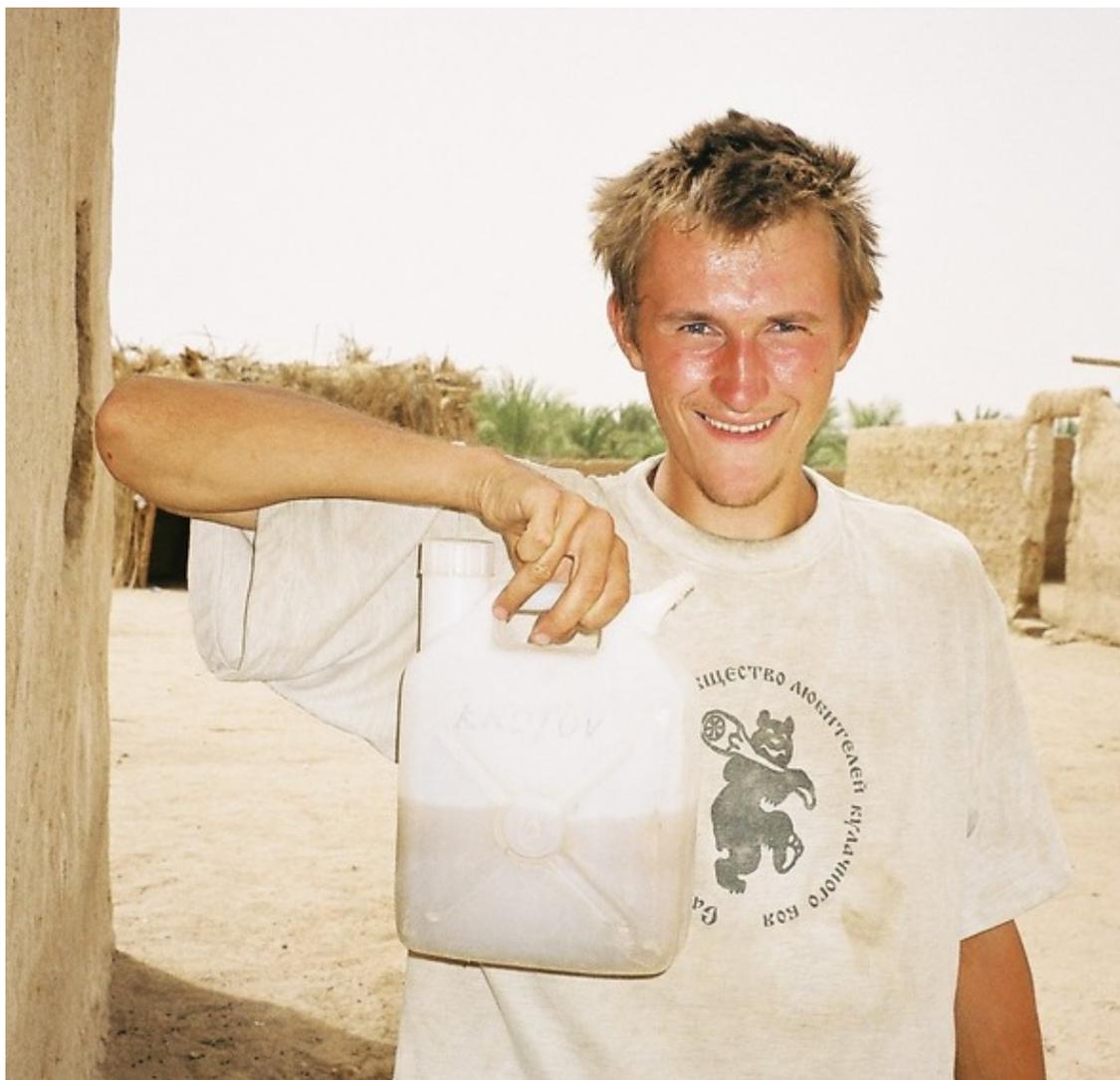
30 августа, среда в Акаше

Наутро, как только стало светло, я отправился фотографировать всё, что было в Акаше. Сперва попросил разрешения сфотографировать женщину, готовящую еду на огне, и мне это разрешили. Наши российские хозяйки, имеющие газ, воду и электричество на кухне, не должны жаловаться на «тяжёлый быт». Здесь же огонь – из каких-то огрызков дерева, дым и копоть; электричества и не было никогда; а количества посуды, имеющегося на кухне у любой москвички, с избытком бы хватило на три-четыре суданских деревни, подобных Акаше. Но больше всего нас удивила сейчас в Судане вода.

Вся вода, какую мы только могли видеть в этой стране, от Вади-Халфы почти до самой столицы, была из Нила, который приобрёл чёрный цвет по причине сезона дождей на юге Судана и в Эфиопии, откуда этот Нил вытекает. Не только в бочках, но и в кружках и стаканах вода была абсолютно непрозрачной и содержала изрядную дозу грязи с эфиопских полей и южносуданских дорог. Густая, противная жидкость вызывала у нас всю дорогу отвращение, и надо же – даже в некоторых городах, даже в городском водопроводе была грязь, не сравнимая ни с чем в России. Вода Москвы-реки, болотные российские лужи, мартовская грязь из-под колёс машин, всё это по сравнению с суданской питьевой водой было просто стерильно.

Вода питьевая водопроводная (в Кариме)

Гриша Кубатьян с водой, что считается питьевой

В прошлом году (1999) мы тоже, разумеется, пили воду из Нила, но не возмущались, так как дождей и половодья не было и вода успевала немного отстояться, Нил был не такой грязный и брезгливости у нас не вызывал. А теперь мы дивились и фотографировали эту воду в стаканах и канистрах, ну и пили, преодолевая отвращение.

Сфотографировал также глиняные дома; скот, спрятанный за «изгородью» из сухих колючих кустов, сваленных охапками; глиняные дома и заборы, соломенные крыши, канистру с грязной, но питьевой водой из Нила и другие бытовые явления. Вернувшись в дом, в котором мы ночевали, я застал там вчерашнего учителя-переводчика и расспросил его о работе и жизни.

– Сейчас в Акаше есть восьмилетняя школа, учится 80 человек (а всего жителей у нас человек 600), – рассказывал учитель. – Высшей школы здесь нет, она есть в Вади-Халфе, там и общежитие. Занятия должны были начаться с июля, но так пока и не начались – учителя бастуют. Зарплата учителя около тридцати долларов в месяц, но её не платят уже давно, поэтому мы сейчас не работаем, и министр образования бастует вместе с нами. Вообще всё в нашей стране приходит в упадок. И Акаша уже не такая, как прежде. Два года назад было наводнение; вода всё прибывала, накапливалась из-за Асуанской плотины – египтяне не пускали воду; и вода, отразившись от дамбы, размывала многие населённые пункты. Тогда Акашу

смыло полностью, дома, школу; всё пришлось строить заново. А в Вади Халфе старый базар затопило и разрушило, так пока и не починили; всё в нашей стране приходит в упадок.

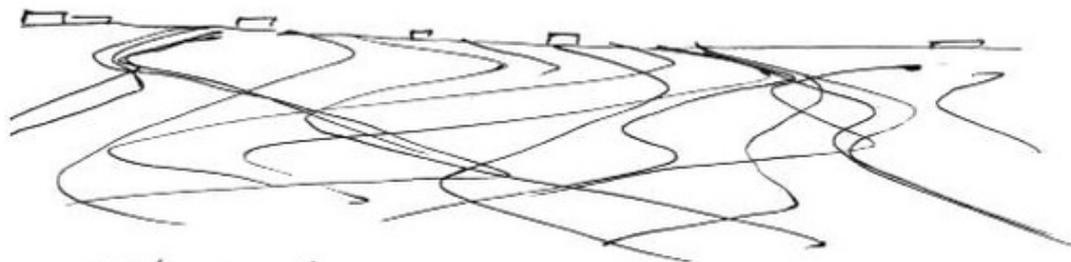
Вспомнили наших российских учителей, которые тоже периодически бастуют из-за невыплаченной зарплаты. Хорошо, что у нас в России дома не глиняные, а то бы тоже их размывало; с другой стороны, суданцам повезло, ведь глиняный дом построить куда быстрее и дешевле, чем каменный, деревянный или бетонный. Ну а зарплата учителей в России и Судане (которую не платят) сходна. Правда в Судане цены выше, а товаров меньше.

В полдень мы вышли на трассу и легли под соломенным навесом, рядом с глиняными кувшинами для воды, периодически поглядывая на дорогу. Воздух, нагретый солнцем и песками пустыни, плыл, и в мареве, стелившемся по земле, можно было увидеть что угодно, но не машину.

Прошло примерно пять часов. Свечерело. Молодые суданские ребята подвезли на ослах навьюченные канистры с какой-то чёрной жидкостью. Я подумал, что это машинное масло, но это опять оказалась питьевая вода из Нила. Перелив её в кувшины и познакомившись с нами, ребята уехали на ослах в деревню.

Долго ли, коротко ли, из небытия выехала двухэтажная «маршрутка», забитая народом. Мы застопили её. Машина шла в Донголу, но поместиться там мог ещё только один человек, и то с трудом. Таким человеком вызвался быть Кактус. Он залез на крышу маршрутки и растворился в дорожной пыли. Мы с Кубатьяном остались вдвоём. Периодически к нам приходили люди из деревни, среди них англоговорящий учитель, – и предлагали, если машин не будет, возвращаться ночевать к ним. Мы решили пока подождать на дороге.

как и в прошлом году, — и сейчас
непросто нам было среди сотни
суданских «дорог» найти главную.

Суданские дороги

Когда уже начало темнеть, спустя восемь часов нашего ожидания, издалека приехал медленный, старый, скрипучий грузовик-лорри. В его кузове было не более двадцати человек — можно сказать, пустой. Водитель с удовольствием подобрал нас, и мы, провожая глазами гостеприимную деревню Акашу, поехали, подпрыгивая на неровностях дороги, на юг, в Абри.

В кузове «лорри» оказалось два англоговорящих человека. Один из них сразу начал знакомиться с нами.

— Муслим?

— Нет, — отвечаю, — христиан.

— Ничего страшного, все религии схожи, — не огорчился он.

Наш новый знакомый, которого звали Мохамед Омар, сказался электрическим инженером; он неплохо владел английским языком и немало лет проработал в разных странах Ближнего Востока. Только в Израиле он не был, так как суданцам запрещено посещать эту страну. Даже в суданском загранпаспорте имеется отметка: «Valid for all countries, except Israel» (действителен для всех стран, за исключением Израиля). Всю дорогу Омар делился своими мыслями о странах, в которых побывал.

— Саддам Хусейн очень сильный человек. Если он велит броситься с обрыва в реку, каждый сделает это, ибо его слово — это армейский приказ. Саддам Хусейн был самым сильным в арабском мире и хотел собрать арабов на войну с Израилем. Но его подставили, подговорили сперва напасть на Кувейт. И под этим предлогом Америка начала войну с Ираком. Ирак сейчас обеднел, а был самой богатой и великой страной в регионе. Отовсюду ездили туда на заработки, я тоже там работал — ещё до войны; а теперь, наоборот, много иракцев работает в Хартуме. ... Америка всюду старается ослабить страны, которые могут имеют влияние. Это произошло и с Россией, когда американцы разделили её на части. И у нас, в Судане, есть Джон Гаранг, предводитель повстанцев — его поддерживают США. Под их покровительством он хочет захватить страну, стать президентом в Хартуме и убить всех арабов.

— Убить *всех* арабов? Да это же невозможно! — возразил я.

— Очень даже возможно, — грустно ответил мой собеседник.

Мы помолчали, но вскоре он продолжил разговор о разных других странах.

– В Судане люди добрые, а вот я был в Ливии – там люди нехорошие, и президент Муаммар Каддафи – сумасшедший... А в Кувейте люди приятные и образованные. Саудия – бедуины, необразованные, но очень богатые. Египет – там все хотят денег, вы это заметили. Если бы вы встретили президента Мубарака, то он, первым делом, тоже попросил бы у вас денег! А самая бедная страна – Чад: для них Судан – что для нас Америка. И очень жарко там.

В кузове очень сильно трясло и подкидывало. Периодически проезжали деревни глиняных домов, выскакивающих из темноты в свете фар. Электричества в деревнях не было. Я с наслаждением вдыхал суданский ночной воздух и вспоминал свои ощущения полуторагодовой давности.

Так же, как и в 1999 году, мы прибыли в тёмный глиняный город, который назывался Абри, и в котором, как и тогда, завершал свой путь грузовик.

Омар просил у нас прощения за то, что не может нас вписать на ночлег, так как сам не местный и живёт в Эль-Обейде. Из темноты появились сонные солдаты с автоматами и повели нас на ночлег. Мы, попрощавшись с водителем, пошли с ними.

Место, куда они нас привели, оказалось постоянным двором в прямом смысле слова. Снаружи обнесённый глиняным забором, весь двор был заставлен деревянными кроватями, на которых уже спали, под звёздным суданским небом, многочисленные люди. Возник заспанный парень, вероятно хозяин заведения, который быстро приволок нам кусок мешковины и разложил её на песке: располагайтесь, мол. Пока мы сонно думали, что бы это значило, хозяин подошёл ещё раз и заметил, что ночлег в этом отеле стоит 2000 фунтов (менее \$1). Мы, обрадованные тем, что сущность отеля прояснилась так быстро и мы не успели заснуть, подхватили рюкзаки и смылись, оставив хозяина в недоумённом ужасе.

Мы вышли в ночной Абри, и, так как мы были единственными ходящими по городу людьми, были сразу обнаружены теми же солдатами, стерегущими ночной покой граждан.

– Отель! отель! – говорили они.

– Плохой отель, – отмазывались мы, – спать на земле под звёздами за 2000 фунтов! Мы заночуем бесплатно!

Недолго думая, солдаты указали нам мечеть, во дворе которой мы и разложили свои тела и благополучно спали до утренней молитвы.

31 августа, четверг. Трудный путь на вписку

Последнее утро календарного лета. Пустыня. Мы достали «вражеский прибор» – GPS, определяющий координаты по спутникам. Этот прибор нам выделил в пользование московский человек Сергей Бритов. Прибор определяет ваше местонахождение в мире с точностью до нескольких метров, определяет широту, долготу, высоту над уровнем моря. Сейчас мы находились на 20°44'17» северной широты. До моего дома по прямой всего 3944 километров, до Кейптауна целых 6180 километров. Это что, получается, мы ещё начале пути?

Мы вышли на окраину Абри, и вдруг видим – навстречу идёт наш вчерашний Омар из грузовика!

– Ну, как вам отель?

– Плохой отель, – отвечали мы, – мы ушли и заночевали в мечети. Условия те же, но зато бесплатно.

– Эх, если бы у меня был дом в Абри... Приходите в гости ко мне в Эль-Обейд! – и он достал бумажку, на которой написал свой адрес в Эль-Обейде и вручил нам. На бумажке было написано по-английски: «Мой адрес: Судан, Эль-Обейд. Около большой мечети спросить Мохамед Омара».

Мы взяли адрес, удивляясь, как здесь всё просто (причём это была не шутка, большинство суданцев имеют адреса именно такого типа, даже в Эль-Обейде – 300-тысячном городе),

и вновь расстались с нашим попутчиком, который, вероятно, направлялся на толкучку высиживать платный транспорт. Мы же проехали шесть километров на попутном лендровере, затем долго торчали в пустыне и наконец застопили огромный грузовикообразный автобус, едущий в Хартум. Мы, как и в прошлый раз, решили не торопиться и попросились доехать бесплатно до следующего городка Делго. Водитель нам разрешил.

Внутри автобуса опять оказался наш Мохамед Омар, другие многочисленные пассажиры, их вещи и десятки белых пластмассовых канистр, наполненных доверху свежими, липкими финиками. Интересно, как их потом оттуда выковыривают? Канистры с финиками были очень тяжёлые и ежеминутно падали мне на голову и колени отовсюду, поскольку автобус сильно трясло. В незастеклённые отверстия, играющие роль окон, летела пыль, а на особых ухабах я подлетал и стучался головой о железную крышу автобуса, что могло бы кончиться печально, будь моя голова не столь крепкой.

Мы вышли в Делго. С нами из автобуса вышел молодой суданец, который и позвал нас к себе в гости. Мы согласились, не зная, к чему это приведёт.

Суданец оказался очень неторопливым. Сперва он, ведя нас за собой, зашёл пообщаться к деревенским полицейским, потом мы направились в лавку, где ничего не купили, потом – на Нил. Воды Нила были чёрными и мутными. Лодочник посадил нас в металлическую лодку фирмы «Спаси, Аллах!» и повёз чрез воды. По пути я несколько раз успел пожалеть о том, что не загерметизировал вещи в рюкзаке – тогда бы рюкзак дольше сохранял плавуемость. Но, по счастью, лодка добралась до левого берега благополучно. Мы думали, что дом, куда нас зовут, рядом; но мужик повёл нас за собой на юг, показывая, что идти совсем немного. Сперва нас сопровождал старый полисмен с чемоданом, который тоже переправился на одной с нами лодке и тоже куда-то шёл, общаясь с нами и с суданцем. Под тяжестью рюкзаков и под лучами солнца мы исходили потом и таяли, как мороженое на сковородке. Примерно через час такого шагания по жаре нам попался попутный осёл с телегой, на которую поместили полисмена и наши рюкзаки (= самые несамоходные объекты). Через пару километров осёл свернул в сторону вместе с блюстителем порядка, началась новая бесконечная деревня, а мы всё шли и шли, а дом сего мужика был очень близко, но всё никак мы до него не дойдём.

Гриша измечтался о молоке и разных благах, которые должен выделить нам мужик по достижении дома, в компенсацию наших моральных и физических страданий. Видя корову, он восклицал:

– Вот это корова! му-у-у! у коровы есть молоко. Я люблю молоко!

Страдания Г. Кубатьяна в пустыне

Но человек, мечтающий заманить нас в гости, не обращал внимания на эти провокации и вёл нас дальше на юг.

День перешёл в вечер. Несколько раз наш Сусанин показывал нам разные шикарные (по суданским меркам) глиняные дома и говорил:

– Вот это мой дом. Но мы сейчас идём не сюда.

Когда я уже почти разуверился в наличии вообще какого-либо дома у этого мужика, а Гриша уже проклинал тот час, когда мы сели в лодку фирмы «Спаси, Аллах!», вместо того чтобы быстро найти ночлег в Делго, – мы, наконец, пришли. Хозяйство этого ультрагостеприимного человека состояло из глиняного дома и жены; электричества, водопровода и молока в доме не водилось. Очень довольный тем, что довёл-таки гостей живыми, хозяин вытащил во двор две кровати, и мы разложились на них, помирая от усталости и жары. Небольшое количество чая и фуля принесли нам тогда, когда я уже почти разуверился в существовании здесь какой-либо пищи.

1 сентября, пятница

Итак, завершилось лето. Началась осень. Утром-таки появилось столь желаемое Гришей молоко. Заварили также каркаде.

Хозяин устроил нам экскурсию на Нил, попутно демонстрируя нас всем своим соседям. Вдоль Нила росли финиковые пальмы, а также имелась достопримечательность: дизельный насос, насасывающий воду из реки в оросительный канал. Суданские весёлые дети собирали на земле опавшие финики, обмывали их в чёрных водах канала и вручали их нам. Мы с некоторой опаской поедали эти финики.

Когда мы вернулись на вписку, жена хозяина изготовила нам суперделикатес – кисель из каркаде. Как он был приготовлен, осталось для нас загадкой.

Где-то в середине дня мы решили, что хватит бездельничать. Неторопливо собрались, поблагодарили хозяина, оставили в подарок несколько фотографий и ушли далее на юг. Переправляться на лодке через Нил обратно не хотелось, потому что и с этой стороны Нила в Донголу вела довольно накатанная дорога, расходящаяся в пустыне на тысячу следов в песке и опять иногда сходящаяся в одну колею.

Пройдя небольшое расстояние (долгий ходьбизм вчера нам не понравился), мы высмотрели отдельно стоящее в пустыне дерево. Своими редкими ветками и маленькими листьями дерево давало нам негустую тень. Расположились под ним; периодически залезая наверх – нет ли машин?

Вскоре вокруг дерева возникли дети-наблюдатели, для которых явление белого мистера было сродни чуду, а белый мистер, выросший вместо плода на дереве – чудо вдвойне. Когда их накопилось много, мы покинули дерево и детей и перебрались на другую позицию ещё южнее. И здесь вокруг нас скопилось изрядная тусовка ребят, а более взрослые люди, выглядывающие из ворот домов, видя «умирающих на песке» белых мистеров, организовали нам прямо на трассе еду и чай. Зазывали и в гости, но мы не пошли.

Наконец появилась машина, которая, распространяя повсюду запах тухлой гуавы (порода груши), увезла нас из этого гостеприимного местечка в очередной посёлок Хайбар. Вообще здесь, в Судане, южнее Абри, вдоль Нила с обеих сторон шли бесконечные финиковые пальмы, а параллельно им, на обеих берегах, шла непрерывная деревня глиняных прямоугольных домов, которые, то сгущаясь, то разрежаясь, тянулись до самого Хартума. И с обеих сторон вдоль Нила существовали дороги, точнее, направления в пустыне, которые то сгущались в подобия трассы, то опять рассасывались по пустыне, то превраща-

лись в некое подобие улиц очередного посёлка, который являл собой лишь сгущение домов, машин и дорог, и больше ничего.

Итак, наше очередное сгущение цивилизации называлось Хайбар. Машина с тухлым запахом сказала, что дальше она не едет, но завтра, если мы имеем 10000 фунтов, она отвезёт нас в Донголу. Мы поблагодарили за предложение и направились искать ночлег.

Поиск ночлега был здесь несложен. Стоило нам только неспешным шагом пройти несколько десятков метров вдоль вечерних домиков Хайбара, как мы были зазваны на ночлег (и не сопротивлялись). Нам вынесли кровати из двора прямо на улицу, где мы и возлегли среди пальм. На третьей кровати возлёг некий суданец, для услады нашего слуха раскопавший где-то радиоприёмник на батарейках. Суданец уснул, а радио играло пол-ночи разные иноземные песни, пока батарейки не сели и посёлок погрузился в тишину. Нарушали оную тишину лишь звуки нашего с Гришей чесания, потому что пару суток назад, в мечети города Абри, нас жестоко искушали муравьи.

2 сентября, суббота. Деньгопрос под Донголою и пятилетие АВП

Утром хозяин замолкшего радиоприёмника унёс в дом его, себя и кровать, а мы остались на улице; но когда солнце ещё чуть-чуть поднялось, и мы убежали в дом. Гриша Кубатьян некстати начал чиниться и всё утро чинил рюкзак, купленный им в Каире. Дело в том, что Гришу преследовали проблемы с рюкзаками. Выезжая из Питера, он приобрёл некий рюкзак, который ему разрекламировали, но он пришёл в негодность уже в Иордании. В Каире Гриша купил другой рюкзак, но и он, несмотря на внешне цивильный вид, начал рваться через несколько дней. Вывод простой – не берите в дальний путь новые, неопробованные вещи.

Пока Гриша был занят ремонтом, по дороге прополз утренний суданский автобус, и мы упустили его, хотя шёл он очень медленно и даже стоял в деревне некоторое время. Но вскоре за ним показался второй автобус на Донголу, и мы едва успели пересечься с ним. Жители деревни всем миром провожали нас на сей транспорт, приговаривая: без денег, по money, ля гуруш, мафи фулюс и т. п.

Пока мы ехали – а ехали мы эти сто километров часов пять, подпрыгивая на ухабах на крыше сего автобуса, опасаясь за наши помятые рюкзаки и содержимое их (бедный фотоаппарат «Зенит»! он как раз был в рюкзаке), – пока ехали, на крыше возник билетёр. Все жители деревни, провожавшие нас, говорили, что автобус будет бесплатным, но билетёр не знал о том, а сами предупредить мы сперва поленились, а теперь уже было поздно. Итак, билетёр, не ведая о «бесплатности» своего автобуса, захотел с нас 10.000 фунтов (четыре доллара), не помню уже, за одного или за двоих. Мы попросили билетёра подождать, и, пока он обилечивал других пассажиров, погрузились в спор. Я предложил заплатить эти несколько долларов, а Гриша категорически отказывался.

– Мы можем потратить эти деньги на что-нибудь более полезное, – говорил он.

– А что может быть полезнее? Здесь такая добрая страна, все нас кормят, подвозят, никто денег не просит; давай просто скинемся и подарим ему по паре долларов! У нас же сейчас денег больше, чем у всех пассажиров автобуса, вместе взятых! – говорил я. – Надо подарить!

– Нет, я уже в этой поездке подарил десять долларов, – отмазывался Гриша.

Дело в том, что в Стамбуле к нему пристали люди, сказавшиеся представителями русской мафии, и предложили поделиться деньгами; так Гриша обеднел на \$10.

– Ну вот, плохим людям подарил \$10, а хорошим не хочешь дать и меньшей суммы, – удивился я и подготовил для билетёра 3 доллара и 150 билетов МММ. Гриша же счёл бесплатность основным принципом путешествия и уклонился от пожертвования.

...Спустя некоторое долгое, жаркое и пыльное время мы слезли с раскалённой крыши автобуса на окраине Донголы (выдав билетёру вышеуказанную сумму денег). Пошли в город; на нашем пути лежала какая-то фабрика.

Первый же человек, увиденный нами в Донголе, сторож этой фабрики, предложил нам сперва воды, затем – поесть, затем – помыться (на фабрике имелся душ, причём с прозрачной, а не чёрной нильской водой); затем вышел начальник, мистер Мохамед, и предложил нам оставаться на фабрике гостить. От последнего предложения мы отказались, но предыдущие три были очень кстати.

Когда мы пришли на городской базар, мы решили разменять СКВ, так как с самого дня въезда в Судан мы жили «в коммунизме»: у нас не появлялось ни местных денег, ни необходимости в них. Однако никто не хотел менять наши 10 долларов. Нас послали в банк, который был сегодня, разумеется, закрыт, а толстый продавец всякой всячины подарил нам 3000 фунтов. На подаренные фунты мы купили пару манго и два стакана сока; затем попросили в подарок апельсин, получили и тут же где-то оставили его. Вскоре мы обнаружили другого весёлого продавца, который обменял-таки нам наши доллары по благотворительному курсу. Мы думали получить 20000 фунтов, а получили 25000, и Гриша даже удивился, какой резон продавцу было нам менять деньги по такому невыгодному для него и выгодному для нас курсу.

– Тут, понимаешь, совсем другие мысли, вовсе не так: «выгодно-невыгодно»! Мы подарили сегодня три доллара автобусному билетёру; нам тут же это вернулось с лихвой. Просто здесь не жадничают.

И точно, вскоре нас уже угощали чаем и горьким (от долгого хранения на жару) печеньем... Ночевали мы в бедном доме на южной окраине Донголы. Там не было электричества и других удобств, но были вездесущие суданские кровати. Если суданцы несут нам кровать – это признак ожидающейся вписки. Скоро, подумали мы, и на позицию будут нам кровать приносить.

Сегодня, второго сентября, Академии вольных путешествий исполнилось пять лет. Юбилейный день завершился. Интересно, как отмечают его наши московские друзья? Не забыли ли они про сей великий праздник?

Также мне приходили в голову мысли о деньгопросе. Конечно, мир изобилует, и нельзя делать принципа из бесплатности своего путешествия, из того, чтобы потратить как можно меньше, а получить как можно больше. Только тот человек, который умеет просить и умеет давать, а не только делать что-то одно из этого, только такой человек достигнет успеха в этом великом путешествии, а также придёт к счастью в других делах своей жизни.

Над Донголой сгустилась ночь.

3 сентября 2000, воскресенье, очень жаркий день

Мы вышли из Донголы на юг и опять запутались в лабиринте дорог. К счастью, нас вскоре подобрала очередная «Тойота». Водитель, как оказалось, пару дней назад уже подвозил русского, в подтверждение чего показал нам адрес Кактуса, написанный его рукой. Человек сей привёз нас к себе домой и познакомил со своим отцом, который, вероятно, был удивлён столь зачистившими белыми мистерами. Отец был набожный человек и перед каждым телодвижением говорил «Бисмилла» («Во имя Аллаха»).

После плотного завтрака нам стало тяжело и жарко ходить. Почему-то на горизонте очень быстро, ровно и не пыля, проползали миражи машин, и мы решили, что там идёт асфальтовая дорога, хотя это и невозможно. Пока шли туда, вспомнили, что забыли набрать воды. Поскольку там, где изредка проползали машины, домов (и, соответственно, воды) не ожидалось, я оставил Гришу на возвышенном месте и вернулся в деревню, где зашёл в какой-то двор и напугал до истерики ребёнка лет пяти, который с рёвом и скоростью ракеты

убежал в женскую половину дома. Женщины, вышедшие во двор, наполнили мне канистру, приняв меня, наверное, за водителя машины, у которой закипел мотор.

Итак, я вернулся к Грише, и мы вместе пошли на запад, туда, где асфальтовая дорога в пустыне оказалась вовсе не миражом. Оказывается, здесь уже давно строится трасса Хар-тум – Донгола, но построена она лишь кусками. Проходит эта трасса в стороне от Нила, от садов и деревень, прямо по пустыне. Застопили платную машину, которая и высадила нас, по нашей просьбе, там, где вдаль наблюдался посёлок Хандак.

Ну и жара! Воздух раскалился градусов до сорока пяти, а рюкзак обжигал руки, как сковородка. Единственной более холодной (и мокрой) частью рюкзака была та часть, где он прислонялся к спине. Интересно, доживёт ли фотоплёнка в моём рюкзаке до Москвы или расплавится прямо в кассетах?

Мы доползли до Хандака и завалились пережидать жару под навесом местного магазинчика, закрытого на дневной перерыв.

Все жители Хандака, вероятно, дремали на своих кроватях, в тени и полумраке своих глиняных домов. Из-за жары никто по городу не ходил, и позвать нас на чай было некому.

Только когда солнце склонилось к вечеру, мы подняли свои утомлённые солнцем тела и повлачили их на южный выезд из города. Как читатель видит, мы вовсе не торопились вперёд. В Судане и путешествовать, и жить надо неторопливо, по-судански.

Вечерние люди потихоньку выползали из домов. Разноцветные тётушки, сидящие на глиняной завалинке и обсуждающие суданские неторопливые новости, предложили нам перекусить. Мы не отказывались и сели на завалинку тоже. Рядом бегали темнокожие дети и играли в футбол, обув правую ногу в носок (левая, неударная нога, для экономии носков и обуви оставалась босая); ребята постарше везли по песчаной дороге тележку с инвалидом. Нескоро мы смогли покинуть длинный и тёплый Хандак.

Дорога в следующий крупный посёлок, Голед-эль-Бахри, была опять не асфальтовая, а песчаная. Время от времени разливы нильских вод преграждали путь, и водители искали обходные пути или пускали свои машины вброд.

Голед оказался крупнее, чем Хандак. Завтра в Голеде обещался быть базарный день, и даже сейчас на базаре ночевали арбузы, некоторые другие товары и их продавцы. Арбуз, длинный и неполосатый, в точности кабачок, нам удалось получить в подарок у сонного продавца; посмотреть, как иностранцы просят и затем едят арбуз, собралось 50 человек. Пока мы шли по уже сумеречным улицам посёлка, за нами погнались шаги. Оказалось, это полицейский. Он предложил нам вернуться с ним на полицейский участок и там провериться.

Мы согласились. Полицейские долго и тщательно обыскали оба наших рюкзака, так и не обратив внимания на мою большую поясную сумку, в которой лежал фотоаппарат «Pentax» и GPS-прибор, определитель координат. Зато нашли большую пачку билетов МММ и поразились нашему богатству – они подумали, что это деньги. А у Гриши в рюкзаке нашли два фотоаппарата – мыльницу и «Смену» – и предложили ему поделиться. Но он не поддался на провокацию, сказав, что эти фотоаппараты для разных целей: это для съёмок при солнце, а это для темноты.

Судан

Полицейские предложили нам ужин и ночлег, но мы вежливо отказались – ночью или утром мог прийти ещё один полицейский начальник и нас опять бы начали обыскивать. Поэтому мы удалились от блюстителей порядка подальше и попросились на ночлег в электрифицированный богатый дом, где жила большая семья. Кровати обладали чистым бельём; в углу двора стоял телевизор; вода тоже была водопроводная, а не привозная, хотя, конечно, чёрная, как и повсюду. Пожилой глава семьи, приютивший нас, вероятно думал про себя: «Ходят тут всякие по ночам, спать им, видите ли, негде», но всё же не пренебрёг священным обычаем гостеприимства.

4 сентября 2000, понедельник. Успехи автостопа: 300 км в день!

Как только мы проснулись в богатом доме, нас быстренько выпроводили (после чая, конечно). Долго шли по посёлку на юг, ища лучшее место для автостопа. Навстречу на базар стекались ослы, верблюды, навьюченные мешками, и люди без мешков. Было ясно, что еженедельный базар – главное культурное событие в посёлке Голед-эль-Бахри.

После долгого ожидания вдаль показался грузовик, который короткими перебежками приближался к нам. Проедет метров пятьдесят, остановится, подберёт кого-нибудь, потом ещё проедет метров сто, опять остановится и т.д.. Когда мы его застопили, оказалось, что этот грузовик везёт мешки с финиками в Хартум.

Опять всё повторилось! Как и полтора года назад, сей грузовик с финиками провёз нас километров сто до Деббы, и мы лежали на мешках с финиками и смотрели в небо. На промежуточной обеденной стоянке в пустыне мы попросили в подарок помятые манго и съели их. Вскоре водитель разругался с хозяином харчевни, вероятно, из-за качества еды или цены её, и мы поехали продолжать обед в другом месте.

Как и в прошлом (1999) году, машина с финиками прибыла на толкучку в Деббе, где водитель занялся поиском других, платных пассажиров. Мы же поблагодарили водителя и пошли бродить по Деббе – здесь тоже был базарный день. Почему-то все продавцы мяса мечтали продать нам бараньи яйца и гордо потряхивали ими перед нами. Но вместо них мы купили два манго по 500 фунтов, ещё два получили в подарок и сели на улице разжевать их. На церемонию разжедания собралось несколько десятков зрителей, в основном детей.

Мы не хотели продолжать путь сразу напрямую в Хартум и направились в другом направлении, желая посетить интересный город Кариму, в котором находились древние пирамиды, подобные египетским, но не столь популярные среди буржуйских туристов. Чтобы попасть в Кариму, нам нужно было проехать около двухсот километров вдоль Нила, делающего здесь изгиб, достичь посёлка Мерове, а там переправиться на пароме через Нил –

Карима находится на правом берегу. Можно же и не посещать Кариму, а поехать оттуда через пустыню в Атбару, откуда до Хартума будет рукой подать.

О великое счастье! Не прошло и двух часов, как нас с Гришей подобрал почти пустой кузов легковушки, водитель которой гордо называл её «Government car» (государственная машина), до самого Мерове! Толстый водитель был в белом тонком, почти прозрачном халате, сквозь который просвечивали его белые штаны, чёрное тело и пачка денег в грудном кармане.

Вдоль Нила росли привычные финиковые пальмы, а вот по сторонам была вовсе не безжизненная пустыня, наблюдаемая нами всю последнюю неделю, а саванна с редкими кустами и деревьями. Дикие верблюды, бродившие по саванне, вытягивая шеи, как жирафы, объедали редкие листочки. Посёлки вдоль трассы были стандартные, глиняные, но дорога (она же щель между дворами) почему-то здесь была очень узкая, шириной всего в одну машину, и хорошо, что нам не попадались встречные.

Время от времени водитель подбирал и других пассажиров. Станный мужик ждал попутку на трассе, вооружившись тремя огромными мешками стеклянных бутылок (ехал, что ли, стеклотару сдавать?). Причём часть бутылок была с очень старыми, облезлыми этикетками от древних импортных вин, которых в Судане не продавали с 1989 года, когда ввели законы шариата и все вина и коньяки в стране сгребли и выбросили в Нил. На ухабах и кочках мужик вцепился в свои драгоценные мешки, но тщетно: не меньше трети стеклянного добра по дороге было безжалостно разбито! Мужик так расстроился, что вскоре вышел из машины и выгрузил на землю мешки с бутылками, бережно, как своих детей.

В другом месте в кузов подсели три тётки, и когда машина разогналась, они с визгом вцепились друг в друга, в Кубатьяна и в меня. Тёткам было очень неудобно, что они хватаются за иностранцев, и они очень смущались, но всё равно хватались. Счастье, что ехать им было недалеко, до следующей деревни.

Водитель весьма услужливо довёз нас в Мерове до парома через Нил, развернулся и уехал по своим делам. Мы уже не хотели ехать в Кариму за поздностью часа, размышляя, что лучше будет нам завтра поехать в Атбару, а Кариму оставить на другой раз; мы не знали, что всё получится как раз наоборот.

Мы пошли на базар, угостили себя неплохим фулем, и, проходя мимо большой мечети, решили заночевать там. В туалете при мечети водились огромные тропические тараканы, напугавшие моего спутника Гришу. Нам принесли циновки, и мы ночевали возле мечети, в городе Мерове, помышляя завтра продолжить изучение суданской земли.

5 сентября 2000, вторник. Ситта!

Ночлег при мечети сопряжён лишь с одним неудобством: перед рассветом, в четыре-пять утра, муэдзин громко зазывает на утреннюю молитву, и, разумеется, мешает спать. Даже в Судане многие мечети оборудованы электричеством и громкоговорителями. Голос муэдзина при помощи этих технических устройств обладает мощными будильным действием. А вот вдали от мечети в сём Мерове электричества уже не было, и люди жили по-простому, по-судански.

Пока мы собирали свои сонные принадлежности, к нам подошли три старика.

– Муслим? – поинтересовался самый англоговорящий из них.

– Кристиан, – отвечал я.

– No problem – we are brothers (нет проблем, – мы братья), – улыбнулись старики и прошествовали в мечеть.

Сегодня, вероятно, в Мерове базарный день, ибо уже с самого утра к базару тянулись толпы людей. Люди гонят овец; верблюды везут поклажу; мы ищем трассу на Атбару. Наш электронный компас показывает 18°23'144 северной широты, 31°47'908 восточной долготы, 274 метра над уровнем моря, 4187 километров по прямой до дома и 5960 – до Кейптауна. А вот до Атбары всего ничего, километров 280 по дороге.

Мы шли по окраине Мерове, пытаюсь в хитросплетении следов на песке различить тот след, что ведёт в Атбару. Навстречу нам, с востока на базар, шли трое типичных суданцев, неторопливые, в белых одеждах.

– Дорога на Атбару здесь? – спросил я, приблизившись.

На что один из суданцев загадочно покрутил в воздухе пальцем, молча присел на корточки и принялся рисовать на песке какую-то узконосую сколопендру, приговаривая при этом таинственным шёпотом:

– Ситта... ситта!.. – По-арабски «шесть».

Мы молча смотрели. Он затёр полученное изображение, нарисовал ещё раз что-то непонятное, и затем, смотря на нас, долго качал рукой вдоль уха и головы, повторяя тихо и загадочно:

– Ситта!.. ситта!..

Я подумал, что, наверное, в этих краях водится бяка, которую он и нарисовал на песке, и она съела уже шесть человек, или, скажем, у этой бяки шесть ног. При этом спутники странного человека понимающе молчали, а мы с Гришей так и не поняли, где трасса на Атбару.

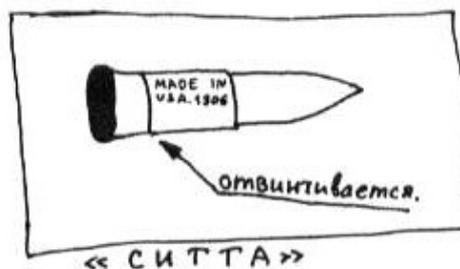
Человек помахал руками и поманил нас за собой, всё приговаривая «ситта». Наверное, он хотел позвать нас домой? Я уточнил:

– Инта бет? – твой дом?

Действительно, человек хотел отвести нас в свой дом. А как же Атбара? Странный суданец отвечал, что трасса на Атбару проходит там, где его дом; но самое главное, это не трасса, не Атбара, не дом, а загадочная «ситта». Заинтригованные, мы отправились с ним. Спутники странного человека всё же продолжили свой первоначальный путь на базар.

Дом находился в полукilометре от места нашей встречи, на самой окраине Мерове, там, где сей городок плавно переходил в мелкие, окружающие его бедняцкие деревни. Для нас на песке около глиняного дома расстелили циновку, и хозяин зашёл в дом, обещая познакомить нас с загадочной «ситтой».

Вскоре он вышел, держа в руках необычный металлический предмет типа патрона, величиной и формой напоминающий палец. Задняя часть этого «патрона» отвинчивалась, но внутреннее содержание было неясно. При покачивании чувствовалось, что внутри перекатывается туда-сюда какой-то шарик. Надпись на странном предмете гласила: «Made in USA – 1906».

Вот так выглядела «ситта»

Хозяин показывал нам патрон и эту надпись (это и была «ситта» – тысяча девятьсот ШЕСТОЙ год), отвинчивал и привинчивал заднюю часть, пытаясь узнать у нас предназначение этого, вероятно, очень ценного предмета, залетевшего в этот глиняный дом из другой цивилизации. Но и мы не могли понять и объяснить владельцу предназначение этой вещи.

Подумать только! Девяносто пять лет прошло, почти целый век! И суданцы, обитатели глиняных домов, из поколения в поколение передают эту реликвию, попавшую к ним из другого мира, с другой планеты, с другой цивилизации!

И за эти 95 лет не сменилось здесь ничего; те же глиняные дома, стада овец, мечети, верблюды, луна над домами по ночам, деревья вдоль Нила, финиковые пальмы, деревянные кровати и соломенные циновки, закопчённый очаг, люди на ослах и вечные присказки: Как дела? – кейф! – тамам! – квейс! – квейсин! – хорошо! – отлично! – ассалам алейкум! – алейкум ассалам!

Сто лет, тысяча лет, как один день. Грязная вода и песок на дне стакана чая, мутного, как Нил. И времени нет.

И в кои-то веки сюда, в сей мир, попали мы, неизвестные пришельцы, возможно из того же другого мира, но и мы не признали странную «ситту». Теперь пройдёт ещё сотня лет, сменится ещё пять поколений суданцев, и, может быть, когда-нибудь в этот мир забредут другие пришельцы и раскроют тайну ситты потомкам этого человека, сидящего на циновке перед нами? Кто знает?

Хозяин, расстроенный нашим непризнанием ситты, бережно унёс её в дом. Но, как оказалось, это была вовсе не единственная фамильная драгоценность. Вскоре человек вновь вышел из дома, неся две другие реликвии: бинокль и приёмник без батареек, обе вещи были только чуть новее ситты.

Предназначение бинокля хозяину было известно. Всучив мне в руки бинокль (почему-то нормально видел только один его глаз), он сообщил, что эта штука нужна, чтобы рассматривать гору Джебель Марра близ Каримы и пирамиды там же, на другом берегу Нила. Объяснив предназначение, хозяин предпринял попытку выяснить возможную стоимость бинокля, вопрошая:

– Кам гуруш?

Мы ответили, что такой старый бинокль никаких гуруш не стоит, так как он старый и плохой, и сделали попытку встать и уйти на атбаринскую трассу. Но нам было отвечено, что атбаринская трасса проходит у самого этого дома, и чтобы мы не волновались и ждали машину, а кровать сейчас появится. И точно, нам организовали кровать – одну на двоих, – и мы с Гришей занялись неторопливым ожиданием машины.

Каркас кровати в деревнях делают из пальмового дерева, и пальмовыми же верёвками перетягивают их. А в городах кровати железные, и перетягивают их синтетическими, более прочными и тонкими верёвочками. Здесь у нас была традиционная, деревянная, расшатанная кровать, тоже почти ровесница ситты.

Овца, подойдя к нам, щекочет мои ноги – изучает нашу сущность. Мы совсем осуданились. Будет ли сегодня машина? – а не всё ли равно? – может пойти поискать ещё другую, более оживлённую трассу? – а зачем? всё равно на этой неделе в Хартум не попадём! Куда спешить? Сегодня, букра, иншалла...

Мы просидели (и пролежали) до вечера на кровати, под соломенной крышей маленького дома сарайного типа. Машин не было. Миновал целый день. Хозяин периодически создавал нам чай. Наконец солнце обрушилось на другую сторону мира, и всё окружающее погрузилось во тьму.

Прошёл ещё один день. Много это или мало? Ни много, ни мало, вообще нисколько. Когда у нашего хозяина вырастут внуки, они так же будут хранить заветную ситту, удивляться, что там перекачивается внутри, и гадать, сколько же стоит их одноглазый бинокль. Почему, интересно, многие суданцы боятся фотографироваться? Может, потому, что боятся утратить первобытную чистоту и девственность своей страны приобщением оной к другому, непонятному миру?

Единственный осветительный прибор, луна, поднялся над глиняными домами и тускло осветил их. Мы отправились в мир сна.

6 сентября 2000, среда. Назад, в Корти, и знакомство с доктором Мохамедом

За ночь машины так и не застопились; вероятно, их и не было, или трасса на Атбару была выбрана неверно. К пяти утра шум грузовика-лорри несколько раз уже разбудил нас, но самих грузовиков не было видно.

Встали в шесть утра. Рассветное солнце вылезало, краснясь, из-за глиняных домов. Сейчас утренняя прохлада, самое время для сна, и все суданцы, включая нашего хозяина, мирно досыпали блаженный утренний час. Мы же, борясь со сном, встали, и, пока хозяин не проснулся, быстро собрались и покинули его дом. Мы чувствовали, что если вовремя не уйти, можно залипнуть, засуданиться и самим превратиться в такие же вечные реликвии этого дома, как старый приёмник, бинокль и ситтга.

Мы решили не ждать машин на Атбару, и не ехать также на Кариму, а вернуться обратно, в Корти, а оттуда – напрямую в Хартум.

Некий грузовик довёз нас до места, где новая строящаяся дорога Донгола – Корти – Мерове пересекала канал с чёрной нильской водою. На сём месте стояли люди, то ли полицейские, то ли дорожные рабочие. Водитель грузовика оставил нас здесь, развернулся и поехал обратно в Мерове.

– Пейте воду, хорошая, вкусная, – предложили нам суданцы, черпая чёрную грязную воду прямо из канала. Один из них наполнил нашу канистру, попил и сам, тут же помыл руки в канале и плюнул туда же. Гриша, созерцая густую грязную жидкость, страдал от жажды, мечтая о бутылке газировки, но не имел её.

Следующий водитель, бородач, привёз нас в следующую деревню прямо на базар. Гриша был готов купить большую бутылку холодной газировки за любые деньги. Однако, холодильников в этой деревне не было и достать холодное что угодно было там невозможно. Пришлось пить чай. Потом всё же нашли простую прозрачную воду, объявленную нами питьевой. Потом ещё нашли хлеб, и, размышляя «А жизнь-то налаживается», отправились искать трассу на Корти. Местный мужик вызвался быть хелпером и прошёл с нами почти километр, указуя правильный путь.

* * *

Вот и трасса. На этом участке она имеет асфальтовый вид. Нам рассказали, что в этом году правительство решило создать хорошую дорогу Донгола – Мерове, и вот она строилась частями. Но, несмотря на асфальт, машин не было видно. Становилось теплее.

Мы сидели под глиняным забором, прячась в его тени от палящего солнца. Вокруг бегали дети, теряя шлёпанцы. Босиком здесь не ходят, так как песок под ногами раскаляется до такой степени, что можно обжечься. Жители дома изнутри забора выглянули к нам, и, увидев нас, принесли нам кровать. Таким образом сбылась мысль Г. Кубатьяна, чтобы суданцы нам тащили кровать прямо на позицию! Но недолго мы прокроватились.

Из другого дома на противоположной стороне вышел и направился к нам пожилой человек. Приблизился к нам и что-то с интересом спросил. Мы не поняли. Тогда он спросил проще:

– Аллах уахед? – и показал один палец: Бог один?

– Уахед, один, – отвечали мы, и обрадованный старик позвал нас на обед. Да наверное, в любом случае обеда было бы не избежать.

Только пообедали и попросили наполнить канистру водою, как издалека показалась машина, быстро приближаясь к нам по асфальту. Водитель очень спешил, говорил «Скорей-скорей! быстро!» Уже в тот момент, когда мы тронулись, нам из дома донесли канистру с водой и закинули в кузов. Водитель оказался странно, не по-судански тороплив и нёсся в городок Корти со скоростью 140 километров в час! Именно для таких людей на этом участке проложили асфальт.

При этом, прибыв в город Корти, водитель совершенно не захотел заниматься никаким срочным делом, а перешёл в обычную суданскую жизнь, с её длинными разговорами и медленными чаями. Так что его поспешность была дутая: просто ему хотелось прогнать

по только что проложенному асфальту как можно скорее и рассказать об этом всему населению г. Корти.

Мы же сели на базарчике этого маленького города, размышляя о том, ехать ли нам сегодня в Хартум, а потом, например, заехать в Эль-Обейд, или не спешить, никуда не ехать, и переночевать здесь же. Пока размышляли, пришла в голову мысль починить мой ботинок, так как обувь моя, приобретённая в России, начала приходить в негодность. На базаре был сапожник, который и занялся ремонтом моего ботинка, а в это время вокруг, рассматривая нас, сапожника и невиданный в Судане ботинок, собралось почти всё население Корти, человек сто. Все они смотрели на нас, на ботинок, молчали и ничего съедобного нам не несли, так что прямо странно было.

Но вот среди толпы кортийцев возник англоговорящий человек, звали его Абдурахман. Он был фермером – выращивал траву для скота и продавал её.

Так как его жена и семья остались в Хартуме, сам себе он пищу не готовил и ходил обедать на базар. Тут-то и увидел нас сей столичный образованный житель, и завёл нас к себе в гости. Когда же мы пришли к нему домой, он привёл знакомиться с нами местного кортинского доктора, на удивление нам – русскоговорящего! Доктор Мохамед учился в Ленинграде, получив образование, в 1994 году вернулся домой, и теперь его правительство направило работать в больницу г. Корти, где он и был единственным врачом. Доктор Мохамед, увидев нас, весьма возрадовался и устроил нам такую «культурную программу», которую нам не устраивал раньше ни один суданец.

У доктора была государственная Тойота, и первым делом он повёз нас по Корти, показывать больницу, свой дом и остальные достопримечательности.

– Без машины доктору тут нельзя – в городе я один-единственный врач, а если кто-то заболит в селе, то надо поехать и привезти его в больницу. Государство даёт врачу машину, дом, зарплату, но я всё равно недоволен. Работать в таком маленьком городе – это просто мучение для меня.

Больница, как мне показалось, имела тюремный вид. Огорожена забором, колючей проволокой; на входе сидел вахтёр. Ни один другой объект в Корти так не охранялся, как больница. Зачем? Чтобы больные не убежали?

– Государство плохо помогает больнице, но местные жители очень любят навещать больных, любят ходить друг к другу в гости и разговаривать каждый день. Поэтому каждый посетитель должен купить билет, за 1000 фунтов, и тем самым помочь содержанию больницы. Больные сами не платят за лечение, только за кровать, 10000 фунтов, независимо от того, пролежал один день или два месяца. А вон там стоит генератор электричества, мы его включаем, если нужно. Через четыре месяца в Корти обещали подвести электричество. Тогда уже генератор не понадобится.

Мы спросили, какими болезнями страдают суданцы и нет ли заболеваний от плохой воды.

– Все болезни не перечислишь, но самая первая у нас – малярия. Очень много малярии. А отравлений почти нет. От воды никто никогда не заболел, из Нила вода хорошая, можно пить. Потом есть болезни – бронхит, кашель. У нас очень холодная зима, три месяца дует ветер, очень холодно, иногда +15 градусов бывает, и люди простужаются. Конечно, в России и здесь +15 – большая разница. Здесь нам это кажется холоднее, чем в России.

В больнице оказалось несколько корпусов. Мы за доктором прошли внутрь, не покупая билетов. В больнице работало несколько человек по типу младшего медицинского персонала, а также вахтёр и аптекарь, но врач был только один на всю больницу, он был сразу в одном лице и акушер, и глазник, и инфекционист, и хирург, и стоматолог, и от болезней кожи... Больных было немного, они тусовались на своих любимых суданских кроватях

в палатах и на улице, бездельничали и общались со своими друзьями, вошедшими сюда по билету. Покинув больницу, мы поехали к доктору домой.

Дом доктора оказался велик и цивилен для этих мест: сделан не из глины, а из чего-то попрочнее. Впервые за это суданское путешествие мы увидели застеклённые окна, и даже с решётками на окнах. Зачем на окнах решётки?

– Эти окна сделаны в Хартуме, для Хартума. Может, там кто-нибудь и залезет в окно. Хартум... очень большой... очень цивилизованная страна... – отвечал доктор. Мы улыбнулись. Вот он, признак цивилизации: решётки на окнах!

Вокруг дома был небольшой участок.

– Я извиняюсь, что здесь всё так не убрано, жена моя четыре месяца как в Хартуме, – говорил доктор. (Мы осматривались: вот растёт арбуз, здесь бараны, тут баклажаны, тут дохлая курица, тут телефон.) – Не работает: надо заплатить 57000 фунтов. Нет, это не много, было 600000 фунтов, предыдущий доктор наговорил так много, а я теперь постепенно рас-плачиваюсь.

– Государство доктора не обижает. Но я здесь один на весь город. Многие люди из Корти живут в Хартуме, и очень богатые там. Все уезжают в Хартум делать деньги, вот и Абдурахман, он здесь один, а семья в Хартуме. Я с трудом говорю по-русски, я не говорил по-русски с 1994 года. А водку не пил с 1992 года. Тогда мне оставалось два года до возвращения на родину, и я решил бросить пить, так как здесь, в Судане, водку очень трудно достать. А курить – я тоже курил, в день по три пачки, здесь это дорого, целых 6000 фунтов в день на сигареты, но теперь я бросил курить и стал жевать носу. Это всего на 250 фунтов в день получается, но и её я скоро брошу.

Так доктор просветил нас, показав свой дом, больницу, а также мечеть, и школу, и весь городок Корти, а завтра он ехал в Кариму, на свадьбу к другу, и предложил взять нас. В Кариме жил также отец и другие родственники доктора. Мы обрадовались, что попадём-таки в эту Кариму! Доктор обещал заехать за нами назавтра в девять утра, если не задержится с больными. На время его двухдневного отсутствия в Корти должен приехать и подменить его другой врач, из Хартума.

Доктор оставил нас на ночь в доме у Абдурахмана, который, уже в сумерках, повёл показывать нам сельскохозяйственные угодья: пальмы и траву, которую он и выращивал, и продавал оптом на корм скоту. Вязанка такой скотной травы стоит 5000 фунтов (два доллара). Это очень ценный товар, её ездят покупать даже из других деревень. Кроме травы, здесь, вдоль Нила, росли финиковые, апельсиновые, лимонные и манговые деревья. Сезон манго уже отходил, плоды были собраны, а вот финики были в самом разгаре, и мы сами нарвали себе фиников с некоторых маленьких, в рост человека, пальм.

Все эти плантации росли на километровой полосе земли между деревней и Нилом, эту полосу регулярно затапливало половодье, и порой воды достигали даже города Корти, который после таких бедствий разрушался и вновь отстраивался – за последние пятнадцать лет это случалось дважды. Особо крупное наводнение было в 1988 году, когда смыло весь город, и его отстроили на новом месте. Построить дом из глины, говорил Абдурахман, можно и за месяц, земля тут почти бесплатная (нужно только заплатить некую символическую пошлину), строй себе на здоровье. Некоторые суданцы, правда, по присущей им лени строят свой дом целый год и никак не завершат его.

Кстати, Корти оказался городом-героем. Как нам рассказали, в 1820 году здесь произошёл последний бой суданской армии с вторгшимися в страну англичанами. В результате трёхчасовой битвы суданская армия, возглавляемая женщиной со странным именем Мегера, была перебита, и англичанам открылся беспрепятственный путь в центр страны, где они добились последних сопротивляющихся суданцев и основали на слиянии Белого и Голубого Нилы новый столичный город Хартум.

7 сентября, четверг. В Кариму на свадьбу

В девять утра доктор, как и следовало предполагать, не явился. Мы с Абдурахманом пошли его разыскивать и в 10.30 обнаружили его на базаре. Доктор уже заполнил кузов своей машины всякими другими людьми, желающими попасть на Каримскую свадьбу, мы сели тоже и поехали. Двигались сверхдолго: с 10.30 до 17.30, семь часов мы потратили на то, чтобы проехать сотню километров, и всё из-за суданской неспешности, в каждой деревне останавливались. Доктор – уважаемое лицо в округе, все его знают, здороваются с ним, он сам не против заглянуть в гости к своим старым друзьям. Вот заехали к некоему старику, который был очень рад нас видеть, искренне рад, приговаривал: «Я старый сельскохозяйственник..» – организовал нам обед и с любовью потом отпустил. В другом месте доктор купил нам целый ящик манго и бананов, узнав, что мы любим манго. Ящик! Мы потом его целую неделю истребляли! Заехали и в больницу города Мерове, того самого города, где пару дней назад нам демонстрировали «ситту». В больнице Мерове тоже был билетёр, очень старенький, высохший, неведомо как достигший двойной продолжительности средней суданской жизни.

– В нашей стране всё приходит в негодность, это из-за нынешней власти, которая засела в Хартуме. Они всё продали, и если бы им предложили сделку – продать весь Судан, но остаться у власти в Хартуме, – они бы согласились. Всё только хуже и хуже! Вот аэропорт – раньше было три самолёта в день, сейчас один в неделю. В Кариме есть поезд – раньше ходил два-три раза в неделю, теперь раз в две недели. Они уже одиннадцать лет у власти, но немного осталось, два года, не больше, – прогнозировал доктор. – Приезжайте через три года, найдёте меня или мёртвым, или большим человеком в государстве.

Наконец, добрались до паромной переправы через Нил, где мы уже были три дня назад, но тогда решили не ехать в Кариму – а вот сейчас судьба вернула нас сюда. Паром ходил медленно, машин было много, и нам пришлось ждать три рейса, прежде чем подошла и наша очередь. За переправу машины здесь платили 5000, за автобус – в десять раз больше, а пешеходы и пассажиры плыли бесплатно. Пока ждали парома, на реку несколько раз приходили с канистрами заключённые местной тюрьмы, босые, и, заходя по колено в чёрно-маслянисто-грязные воды Нила, наполняли канистры местной питьевой водой и несли их в тюрьму – под руководством ленивого охранника. На самой тюрьме, недалеко от берега, висела эмблема оной – фонарь и ключ. А после заключённых на реку пришли городские водовозы с ослиными тележками и наполняли бочки жидкой грязью и увозили её к себе в город для питья и других нужд.

Наконец мы погрузились на паром. Доктор отказался платить паромщику («Тоже мне, я тут один доктор, а с меня ещё деньги за паром? Если будете брать деньги, уеду отсюда!») Итак, мы попали на другой берег, в древний город Кариму, в котором нам давно хотелось побывать.

Карима

Основными каримскими достопримечательностями являлись:

- 1) Каменная гора Джебель Марра, стоящая почти на самом берегу Нила,
- 2) Пирамидно-храмовый комплекс древнеегипетского стиля рядом с сею горой. Пирамиды были видны даже с противоположного берега, с Мерове. Они были, конечно, меньше знаменитых пирамид Гизы, но зато билетёров, верблюдов, полицейских и туристов там не содержалось. Да и сохранились они лучше. Те, великие пирамиды, уже начали разваливаться от городского смога Каира и от взглядов миллионов людей, всё время устремлённых на них.

Пирамиды в Кариме

Доктор Мохамед устроил нам экскурсию по вечерней Кариме. В отличие от Корти, здесь уже было кое-где электрическое освещение. Город состоял из кубических домиков, не только глиняных, но и цементных; некоторые стояли прямо на отрогах горы. А вот вода в городском водопроводе была чёрная, как грязь...

Гуляя по городу, зашли к аптекарю.

– Этот аптекарь – самый богатый человек в городе, – сказал нам доктор. Мы с интересом осматривали довольно облезлую внутренность аптеки.

– А лекарства на жаре у него не портятся? – спросил я.

– Нет, не портятся, у него есть кондиционер! – отвечал доктор. Действительно, на полу, как тумбочка под что-либо, стоял старый, пропылённый ящик, когда-то бывший кондиционером. Наверное, он остался от англичан, и с тех времён никогда не работал.

В Кариме жил брат и отец доктора Мохамеда. В их семейном доме мы и остановились.

– А сейчас я познакомлю вас со своим отцом, – сказал доктор, – он очень старый, ему уже больше ста лет, поэтому он не ходит, а только лежит на кровати (у него артрит). Но всё понимает!

Я удивился, поскольку доктору Мохамеду было около тридцати, а отцу, выходило, больше ста. Это же в каком возрасте они женятся?

С интересом мы прошли в особый дворик. Там, на суданской кровати, лежал старик на вид лет семидесяти и с интересом ждал нас. Мы поздоровались; рукопожатие старичка оказалось довольно крепким для 100-летнего возраста; обменялись несколькими фразами и покинули старика.

– Вашему отцу сто лет? – недоверчиво спросил я доктора.

– Да больше ста! – отвечал доктор Мохамед, а я задумался и вскоре всё понял. Вспомним: в Библии говорится, что когда Аврааму было сто лет, у него родился сын Исаак. Действительно, Авраам жил в такой же неторопливой стране, как и Судан, и если у тебя умирают все сверстники, родители и друзья детства и люди старше тебя, тебе автоматически становится сто лет в той стране, где не считают время. Разливается и усыхает вновь Нил; приносят урожай финики, манго и кокосы; пасутся овцы; и никаких перемен, из года в год, и никто не знает, сколько ему лет, если об этом ему не скажут старшие. Поэтому самый старый человек на деревне автоматически становится *столетним*, хотя по нашему, европейскому, исчислению, ему может быть лет семьдесят или семьдесят пять (средняя продолжительность жизни в Судане – 45 европейских лет).

Вечером, когда стемнело, и мы осмотрели Кариму, и познакомились со всеми друзьями и родственниками доктора Мохамеда, нас повели смотреть свадьбу, под предлогом которой нас, собственно, сюда и привезли.

На свадьбе

В преддверии свадьбы, на одном из перекрёстков улиц Каримы уже шли приготовления к народному гулянию. Город Карима был снабжён электричеством, в отличие от Корти, так что суданцы где-то нашли и привезли звуковые колонки, микрофоны музыкальные инструменты и освещение. Собралось немало людей, человек сто, а потом и больше, взрослые и дети. На несколько десятков почётных гостей нашли даже стулья. Остальные под звуки музыки и древних песен ходили кругами, хороводились, а самые крепкие таскали на плечах довольного жениха. Потом на машине привезли невесту; в машине, кроме неё было очень много её подруг, напиханных туда с максимальной суданской плотностью. Невеста, не очень довольная, вышла оттуда, она оказалась в красной одежде со всякими украшениями, жених был в белом, и они воссели на заранее приготовленном возвышении на креслах. Хороводы и песни продолжались, а я ходил и фотографировал при свете вспышки лица людей, в основном детей, которые мне попадались.

Алкоголизма на свадьбе не было, это было запрещено законами шариата, и более того: местные законы не разрешали гулять после полуночи. Я так и не понял, почему: то ли неприлично из исламских соображений, то ли боятся народных сборищ, нарушающих общественный порядок. Кстати, многие жители Каримы оказались диссидентами и ругали правительство, подобно доктору. Ближе к полуночи важный человек вышел к микрофону и зачитывал длинный список людей, которые подарили молодым деньги на начало супружеской жизни. В Судане принято дарить деньги на свадьбу, и список дарителей и суммы подаренного торжественно оглашались. Большинство скромных жертвователей преподнесли 25.000 фунтов (\$10), другие 50.000 фунтов, один самый богатый человек расщедрился аж на два миллиона (\$800), и сообщение об этом было встречено бурными возгласами и аплодисментами; впрочем, шумом радости сопровождалось и другие имена.

Ближе к полуночи молодожёны, сопровождаемые толпой друзей, отправились домой к жениху, а мы отправились в семейный дом доктора Мохамеда, где и улеглись спать в поздний час.

8 сентября, пятница. Карима. Обратное в Корти

Утром было очень душно, хотелось пить, но водопровод Каримы порождал наигрязнейшую в мире воду. Если московский человек выпьет стакан такой воды, ему потребуется неделю промывать внутренности от неё. У нас промывать было нечем, и мы, встав спозаранку, занялись спасением бананов, которые нам вчера купил доктор и положил в тот же ящик, где жили манго. Теперь часть фруктов от жары совсем размокла, и мы, как могли, уничтожали их.

Когда доктор проснулся, мы отправились с ним на дальнейшую экскурсию по Кариме. Сперва поехали к пирамидам, полазили по ним и пофотографировались. От египетских пирамид сии отличались меньшими размерами (и камни, из которых они были сложены, тоже были меньшего размера), были они в лучшей сохранности, были они круче наклоном и острее вершиной и не было там никаких билетёров, туристов и продавцов, как в Египте. А рядом с пирамидами находились и другие, меньшие, объекты: развалины и колонны, покрытые египетскими иероглифами. А ещё там была значительная каменная гора, которую называли Джебель Марра, высотой примерно 150 метров. Интересно, что и другая, самая большая в Судане гора на западе страны тоже называется Джебель Марра.

После осмотра пирамид и горы доктор Мохамед отвёз нас обратно в центр города, показывать другие достопримечательности. Поехали на завод сухих овощей, но он был закрыт по причине пятницы. После неудавшихся овощей поехали на основной стратегический объект города – на электростанцию. Приятно чувствовать себя иностранной деле-

гацией: нам показали цеха, пульта, генераторы и всё остальное. Доктора везде пускали и нас с ним тоже, хотя электростанция и охранялась. Вот двойственная суданская сущность: конечно, официально все борются со шпионами, а здесь ходи, всё смотри, только фотографировать не надо.

Осмотрели электростанцию, и доктор повёз нас в гости к жениху. После массовой тусовки на свадьбе жених устроил обед для особо важных гостей, и мы попали в их число. Нас угощали бараньим супом, халвой, фулем и круглым странным пудингом, который нам не понравился. Он назывался, по-моему, «кисра». Чтобы запивать всё это, подавали густую мутную воду в красивых стаканчиках из холодильника. Вот так оно, холодильник есть (большой пластмассовый ящик со льдом), а вот вода обычная нильская.

Доктор сегодня ещё оставался в Кариме, а его машина отправлялась обратно в Корти – туда ехало, кроме нас, восемь человек. Доктор собирался приехать назавтра на другой, попутной машине. Мы поблагодарили доктора Мохамеда за всё, попрощались со всеми его родными и покинули на его машине гостеприимный город Кариму.

Ехали в Корти опять неторопливо, медленно, останавливаясь в каждой деревне. Опять навестили того старика, который опять был рад нас увидеть, приговаривал: «Я старый сельскохозяйственник...» Когда же добрались до Корти, нашего друга Абдурахмана не оказалось дома. Мы сели на свои рюкзаки и, разведая манго, дожидались прихода Абдурахмана близ забора его.

К нам подошли две тётушки, соседки Абдурахмана, и узнали нас, так как видели нас три дня назад. Они попросили манго, и мы угостили их, ибо плодов сих у нас было немало. Возрадовавшись, они откупили нам Абдурахманское жилище, так как деревянная дверь, в которую мы стучались, оказалась не заперта.

Пока хозяина не было, мы, используя его уголь, заварили каркаде. Манго перемыли и разделили: одну порцию, более твёрдые, рассовали по рюкзакам, другие, мягкие, назначили на съедение. Ели манго, пока не объелись. Хозяин так и не появился. Вытащили во двор две кровати и заснули под звёздами.

9 сентября, суббота. Корти – Омдурман

Наутро во дворе вместо двух кроватей, на которых мы спали, образовалось три кровати: на третьей возник Абдурахман. Вероятно, он пришёл ночью. Мы попрощались с ним и пошли на базар, где нам обещали явление прямого автобуса на Омдурман. И этот долгожданный автобус, наконец, появился, со многими пассажирами внутри и кучей барахла на крыше. Мы поступили мудро: подошли к водителю, и, сказавшись малоденежными, предложили ему за проезд ящик манго. Манго водитель не взял, но разрешил нам ехать без оплаты.

Пока автобус ждал пассажиров, на базаре появился окончательно проснувшийся Абдурахман, и мы вновь попрощались с ним.

В девять утра мы отправились. Путь наш был прост – через пустыню сразу напрямик, без заходов в разные другие деревни. Регулярно меняли колёса. Во время ремонтов пассажиры рассаживались вокруг автобуса на каменистой почве и спокойно ожидали. В ста пятидесяти километрах перед столицей выехали на асфальт, который начинался большой придорожной харчевней, в которой мы питались и в прошлом году (1999). Кубатьян, одолеваемой жаждой, пытался добыть стеклянную бутылку 0.33 с пепси-колой, но продавцы не дарили ему, и на манго поменять тоже не удалось. После сего Кубатьян достал железный рубль с В.И.Лениным – он имел их немало, так как нарыл в Питере целый мешочек старых рублей, – и приобрёл бутылочку за ленинский рубль. Я не поддерживал такие методы, считая, что если хочется пить, то 330 грамм не помогут, а если совсем невтерпёж, есть нормальная вода, бесплатно и в изобилии, но не дистиллированная, конечно.

Мы ехали всё далее на юг, и пейзажи пустыни совсем исчезли, сменившись саванной с жёлтой редкой травой и редколиственными кустарниками и деревьями. Было сумрачно, и к вечеру даже чуть капнуло сверху – здесь, вблизи столицы, уже существует понятие «сезон дождей».

В поздний час мы приехали в город Омдурман, куда автобус и направлялся. Въездной полицейский пост, где у нас в прошлом году (1999) смотрели документы, – проехали безвредно, в темноте. Нас высадили не на той свалке-толкучке, как в прошлом году, а в другом месте. Цивилизация! Мы приехали в богатый и весёлый восточный город! Свет электричества во многих лавках, огромные современные мечети, обилие продавцов. Вот продавцы суданских кроватей продают огромную гору кроватей, и живут и спят на них же – не увозить же товар на ночь! Может, попроситься к ним поспать, ведь кроватей очень много? Вот продавцы длинных, вытянутой формы арбузов. Мы приобрели задёшево не очень хороший арбуз и частично съели, частично выкинули его. А вот продавцы сладостей (5000 фунтов кило), вкусностей, вожделенной для Гриши пепси-колы из стеклянных бутылочек, и другого питья за 300 фунтов стакан, дёшево и приятно. Мы поужинали в вечернем радостном Омдурмане и занялись поиском ночлега.

Поиски сии были недолгими. В прошлый раз нас зазвали на ночлег в старинный мусульманский монастырь, который мы приняли за гробницу Махди. Тогда купола мечети той были видно издали, но сейчас мы оказались в другом районе большого города и пошли в другую, современную мечеть. Мы попали как раз в промежуток между молитвами; возле мечети сидели два пожилых человека, один читал вслух нараспев Коран, второй вышел нам навстречу. Мы попросились переночевать и – подверглись действию всегдашнего суданского гостеприимства. Появились кровати, хлеб с молоком, в мечети обнаружился душ; мы помылись, постирались и улеглись на этих кроватях прямо во дворе мечети. Нам предлагали организовать также фуль, но мы отказались, ибо уже были сыты. Вот благодатная страна – в столичной агломерации, в такой современной мечети, и никаких проблем!

10 сентября, воскресенье. Хартум

Утром, поблагодарив сотрудников мечети, мы отправились в Хартум – сперва стопом, потом подсели в автобус. Хартум находился рядом, на другой стороне Нила. На старом мосту через Нил была транспортная пробка – вероятно, единственная дорожная пробка в Судане. Цивилизация! Вдали высился новый мост, построенный китайцами. Впечатляет – такой длинный и почему-то с изгибом. Он тоже уже действовал.

Сентябрь – время самого половодья на Ниле. Нил был широк, из него торчали полужатопленные травы и кусты; сновали лодки. По обеим сторонам Нила виднелись большие модернистские мечети разных форм – вероятно, построенные в последнее десятилетие на деньги богатых исламских стран. (Я вспомнил, что в пакистанской столице, Исламабаде, была крупнейшая в мире современная мечеть, тоже нетрадиционной формы, построенная в качестве подарка от Саудии.) В центре Хартума – обилие продающих всякие дешёвые шлёпанцы, еду, каркаде и сигареты «BRINGI» (единственный вид изготавливаемых в Судане сигарет).

Мы с Гришей поехали автостопом в посольство России. Уже знакомый нам консул РФ Рашид Измайлов был на месте; он сказал, что граница с Эфиопией, вероятно, открыта, и вручил нам письмо от коллег-автостопщиков. Оказывается, ещё до нас Хартума достигли Грил, Лекай и Кактус. Причём Кактус приехал раньше всех и уже успел вписаться в посольство и выписаться оттуда. Мы оставили в посольстве два письма – для коллег-автостопщиков и для отправки в Россию – и пошли искать Интернет-кафе: за последнее время цивилизация проникла и в Хартум, и Интернет здесь было уже несложно найти.

В Интернет-кафе сидели уже двое европейцев, парень и девушка. Оказалось, это тоже вольные путешественники. Сейчас они только что обрели визы Чада и Нигера и отправлялись туда. С большой радостью узнал я о том, что в Хартуме, оказывается, есть столь редкое посольство Нигера, выдающее визы всем желающим за \$50 – причём эти двое попросили скинуть цену вдвое, и им не отказали в их просьбе. Мы рассказали им свою сущность и тоже залезли в Интернет; там нас ждали послания от моих родителей, от Михи из Калуги, от Винокурова из Москвы и от Олега Моренкова, ныне проживающего во Швейцарии.

Зашли также на обычный почтамт, отправили письмо и оттуда, бумажной почтой. Итак, отправив три письма – через посольство, через почту и через Интернет – мы решили поехать обратно в Омдурман, чтобы-таки найти суфийскую общину, в которой мы останавливались в прошлом году (1999), и заночевать там. Но теперь мы нашли совсем другое здание, не монастырь, а дом-музей халифа Махди. Оплатив входной билет (500 фунтов с носа), мы получили впридачу умного разговорчивого гида, который, хотя и знал только лишь арабский язык, но говорил так выразительно, что всё было понятно, а дом-музей только усиливал впечатление. Махди, религиозный вождь Судана, жил в таком же глиняном доме, как и все прочие люди здесь, но дом его был очень большим и двухэтажным. Подняв восстание против англичан, он правил в Омдурмане несколько лет. Воины Махди ходили на англичан с копьями, мечами и щитами из крокодиловой кожи, как встарь; война длилась около десяти лет, и всё же Махди потерпел поражение (по-моему, в 1899 году).

Не решились вписываться в святом доме халифа Махди, и пошли по мечетям. Одна мечеть, которую мы посетили, находилась в ремонте и была довольно грязна. А вот другая – вполне. На ковриках под навесом во дворе мечети тусовались суданцы, общались, дремали, читали Коран. Коврики давно не подметались. Мы подмели всю территорию, застланную ковриками, и там же устроились на ночлег. Никто не мешал нам это сделать.

11 сентября, понедельник. Хартум

Наутро мы опять сидели у ворот российского посольства, надеясь, что подойдёт кто-нибудь из наших (но никто не явился). Суданцы все шли за российскими визами, все очень хотели ехать в Россию на заработки. Многие говорили по-русски, так как учились у нас. Некоторые, правда, боятся России, говорят, что у нас всё время убивают, очень опасно. А самая опасная страна (по их мнению) – Америка, там убивают везде и повсюду. Интересные плоды пропаганды: ведь у нас, а особенно в Америке, про Судан думают так же: опаснейшая страна!

Сидя у врат российского посольства, мы познакомились с суданцем по имени Хафиз, который учился и жил в России (а до этого в СССР) одиннадцать лет! Как и большинство его образованных соотечественников, Хафиз ругает своё суданское правительство и хочет опять перебраться в Россию, благо знает немало успешных примеров переселения.

Хафиз поведал нам некоторые особенности современной суданской жизни. Например, при правительстве Судана образована спец. комиссия, цель её – «попросить Бога, чтобы дождь пошёл», и заместитель президента – во главе этой комиссии.

Хафиз оставил нам свой адрес в городе Вад-Медани и сказал, что завтра вечером приедет из Хартума в город тот и зовёт нас в гости. Так как Вад-Медани были нам по пути, мы решили навестить Хафиза и направились на выезд из города.

От Хартума до Вад-Медани

Трасса на юг, из Хартума до Вад-Медани шла параллельно Голубому Нилу, хотя и вдалеке от него. Эта провинция Судана называется Джезира, в переводе – «Остров», или «Междуречье», так как находится между Белым и Голубым Нилами; это самая богатая местность,

«житница страны». Между двумя Нилами хорошее орошение, а в сезон дождей здесь ещё и льёт, и хлопок здесь растёт, и хлеб, и манго, и финики.

Довольно долго тянулись пригороды столицы. В одном из мест нас зазвал на чай содержатель шикарной гостиницы для новобранцев. Оказывается, суданские люди, женившись, едут обычно из своих деревень провести «медовую неделю» в столице, и вот, есть специальные такие апартаменты для влюблённых, весьма шикарные и дорогие; для жителей сельских глиняных домов это просто чудо. Пока мы общались с начальником гостиницы, мимо, по улице, проходил толстолицый странный негр и громко закричал, увидев нас, по-английски:

– Судан – это самая плохая страна!! Зачем вы сюда приехали?! Здесь нет ничего хорошего!! Скорее, скорее, сегодня же, сейчас же, скорее уезжайте домой!!

А по-настоящему Судан – очень весёлая страна! Вот, например, мы ехали на машине, у которой неожиданно кончился бензин. И водитель взял канистру и поехал с нею за бензином в ближайший город на попутном... велосипедисте! Хорошо, что город был не очень далеко. Ещё было бы смешнее, если бы он застопил попутного осла.

А в одной из придорожных харчевен – когда мы зашли в неё разесть наш арбуз, купленный на улице, – один из возлежащих в харчевне завсегдаев угостил нас за свой счёт без всякого нашего на то намёка.

Поздно вечером мы прибыли в Вад-Медани, один из крупнейших городов в Судане. Хафиза пока не было в городе. В мечеть нас почему-то не вписали, и мы втёрлись на ночлег во двор богатого дома. Всё же и тут, как и в других местах мира, в богатые дома не так просто вписаться, как в дома бедняков, а крупные города меньше располагают к гостеприимству их жителей, чем маленькие деревни. Здесь многие заборы были сверху утыканы битыми стёклами, кое-где виднелась колючая проволока, и мы вспомнили слова доктора Мохамеда по поводу зарешёченных окон:

«Эти окна сделаны в Хартуме... Там очень цивилизованная страна...»

12—13 сентября в городе Вад-Медани

12 сентября, наутро, мы пошли в столовую за фулем, и столовщик не только положил нам здоровенную тарелку оного, но и отказался от денег наотрез.

Утро мы провели в городском парке, занимаясь писанием писем. Ближе к вечеру Хафиз образовался по данному им телефону, и вскоре он встретил нас и повёл к себе домой. Мы провели у него ночь, весь следующий день и другую ночь.

Хафиз ругал своё суданское правительство и мечтал вернуться в Россию, где прожил 11 лет. Здесь же, в Медани, жил его друг Ихаб, тоже русскоговорящий, тоже ругающий правительство. Весь день 13 сентября мы провели в чаях, суданцы устроили нам культурную программу – показ города. Повезли даже показывать какой-то пригородный парк, в котором должны были водиться звери, но парк оказался запущен, и только мусор обитал в нём, да ветер, да некоторые овцы и козлы.

– Вот это всё правительство, эти братья-мусульмане, – возмущался Хафиз, – Я здесь не был двенадцать лет, и посмотрите, до чего они довели страну!

Так же Хафиз комментировал и другие факты. Грязь на улицах города, бедность, засуха, неурожай, – всё было происками правительства, вернувшего страну в средневековье и введшего специальную комиссию: «Попросить Бога, чтобы дождь пошёл».

14 сентября, четверг. Путь в Гедариф и вписка там

Утром попрощались с Хафизом и Ихабом и направились на трассу. Хотите верьте, хотите нет, но на этот раз «комиссия по дождям» поработала на славу, и ночью шёл настоя-

щий тропический ливень. Утром весь город был в грязи, и мы выбрались на трассу, шлёпая потяжелевшими от грязи ботинками.

И вот мы стоим на важнейшей автодороге страны, переходим мост через Нил и стоим проходящий транспорт.

Суданский транспорт

Не прошло и минуты, как «Тойота», везущая много хлебов, подобрала нас и довезла до ближайшего пригородного поворота. Там мы подцепили небольшой автобус, следовавший в городок Фау, и пролетели ещё километров сто.

Фау состоял не из коробчатых домов, как все прочие поселения, встреченные нами в Судане, а из множества круглых хижин у подножия зелёной горы. Это было удивительно для нас, но вполне объяснимо. Мы миновали жаркий и сухой пояс плоской пустыни, где можно строить из глины, и достигли зоны влажного климата, где хижины из веток и соломы надёжнее – не размывает. Появилась в обилии зелень. Мы выгрузились из автобусика и фотографировали всё подряд, дивясь на такое видоизменение пейзажа. (В последующие месяцы мне предстояло увидеть тысячи таких хижин и деревень, но эта была первая, поэтому и запомнилась надолго.)

Мы сидели на дороге и ожидали дальнейших машин. Деревенские дети обступили нас и пытались нам продать всякие жвачки, конфеты и другие предметы явно не местного производства. Не достигнув успеха в продаже, они убежали обратно в деревню. Никто в гости нас не позвал, хотя не меньше часа мы сидели на виду у всего Фау.

Как потом выяснилось, за Фау располагались воинские части. И вот к нам на трассу вышел человек в военной форме. Мы решили перехватить инициативу и расспросить его о сущности Эфиопии и дороги туда. Военный оказался неожиданно умным и чётко объяснил нам всё (по-арабски).

Дорога в Эфиопию есть. Идёт так: Гедарэф – Гуллабад – Метема – Азезо – Аддис. Люди Эфиопии хорошие. Если у вас есть паспорт, тогда вам в него поставят штамп.

Мы возрадовались. Вскоре подъехал крупнейший грузовик с пустым кузовом; вероятно, он направлялся за грузом в далёкий Порт-Судан (ибо навстречу, из Порт-Судана, шли такие же, но полные грузовики). В пустом кузове уже ехало человек двадцать пять, и нас взяли тоже. Хорошо!

Пейзаж показался мне необычен после всего, виденного мной в Судане доселе. По сторонам дороги шла не плоская равнина, а зелёные горы; почва была не песчаной, а травянистой; по сторонам дороги паслись стада коров, а местные женщины пытались продать проезжающим машинам пластмассовые канистры с молоком. Временами попадались хижины и целые деревеньки. Хижины были круглыми в плане, стены состояли из палок, диаметром были они метра три. Остроконечные их крыши были покрыты соломой. Наверное, в таких же хижинах живут люди по всему югу страны, где нам пока не случилось побывать.

А вот Гедареф оказался большим городом, и дома там были разные: и дома-хижины (у богатых они бывают даже с электричеством, вентилятором и телевизором), и дома-кубики. Но люди там мало напоминают арабов и нубийцев Севера, это уже люди настоящей Чёрной Африки. Пока ходили по базару и потребляли всякие вкусности, местный сок со льдом и т.п., пока бродили по городу, мимо нас проехала машина, в которой ехал наш Кактус! Белый человек здесь виден издали; мы были единственными белыми в городе. Оказалось, что он уже приехал сюда, по обыкновению, раньше других и пустил корни на вписке в католической церкви. Туда решили направиться и мы, ибо до «стрелки» у нас оставалось ещё двое суток.

Католическая миссия в Гедарефе представляла собой многофункциональный дом, в котором жил чернокожий англоговорящий пастор (из Эритреи!), образованный и добродушный, и какие-то его люди; там были комнаты с книгами, душ, кухня и собственно церковь. Нас поселили в одну комнату, в которой были кровати, мухи, комары (надеюсь – не малярийные) и книжный шкаф. Священник объяснил, что по нынешним суданским законам строительство новых церквей в стране запрещено, но можно строить так называемые многоцелевые дома, такие, как этот.

Большая часть книг у пастора оказались на английском языке, и мы с интересом изучали сию библиотеку. «Братья Карамазовы», Ницше, «География Африки», «История философии», «3 религии Африки – ислам, христианство и анимизм», «Визит Папы Иоанна Павла II в Судан в 1993 году» (в двух экземплярах, каждый на двух языках, с цветными низкокачественными фото) и многие другие книги, названий коих я не запомнил. Гриша Кубатьян решил почитать Шекспира в оригинале, но, как и следовало ожидать, прочитал только несколько строк, но не понял и их.

Суданские друзья пастора, узнав, что в миссии гостюют иностранцы, решили устроить нам культурную программу. Вообще кормили нас в Гедарефе неравномерно: то закормят до упаду, а то на полдня забывают, а потом опять кормят. Как обычно, нас водили по всяким гостям, а потом повели в колледж, где суданцы изучали всякие науки.

Нас завели прямо в класс английского языка. Там сидело около двадцати взрослых людей. Учитель сказал примерно так:

– Вот мы учим сейчас английский язык, чтобы читать разные импортные книги, чтобы общаться с иностранцами, а вот нам повезло, сегодня в наш город приехали самые настоящие иностранцы, и давайте сделаем типа интервью, мы их о чём-нибудь спросим, а они нам ответят по-английски! Ну, кто хочет задать вопрос?

Над классом повисла мёртвая тишина. Все замолчали, уткнувшись в нас взорами, ибо не были готовы к столь быстрому претворению в жизнь своих скудных теоретических знаний. Наконец самый смелый мужчина собрался с духом, поднял руку, и, когда учитель позволил ему говорить, спросил нас:

– What is your name? – Как вас зовут?

Все дружно посмеялись, и дальше беседа пошла более живо. Мы пообщались со штудирующими язык минут пять, периодически переходя на арабский, чем сильно повеселили студентов. После сего человек, приведший нас сюда, совсем проникся к нам уважением и решил позвать назавтра в гости, чтобы накормить некоей особо вкусной едой, устраиваемой в Судане только для почётных гостей.

15 сентября, пятница в Гедарефе

В мусульманских странах пятница – выходной день, и мы сегодня никуда не ездили, а посвятили весь день городу Гедарефу. Утром мы навестили другой христианский храм – коптской православной церкви, – находящийся неподалёку. Там была тихая, малолюдная служба. Потом вернулись в нашу миссию, где священник накормил нас завтраком. На кухне всё было очень цивилизовано, и газ был, и стол, и стулья, и чашки, и всё по-европейски, а не по-судански.

После завтрака в миссии за нами зашёл наш вчерашний англоговорящий знакомый, который обещал нам сегодня сварить (руками своей жены) особо праздничное угощение. Мы с ним пошли на базар, сопроводили его в покупке нужных странных тестообразных ингредиентов (а вокруг, видя нас, удивлённые продавцы восклицали: хаваджи! хаваджи! иностранцы!). Потом мы пошли к нему в гости, в его соломенную хижину, снабжённую электрическим вентилятором (богато живёт!), потом обошли все окрестные хижины, угощаясь у его брата и его друзей, куда его жена готовила суперпраздничную еду.

Среди всех суданских угощений первое место для меня занимает, конечно, фуль (фасолевая каша), хотя мы с удовольствием можем употреблять и рис, и мясо, и бульон, и даже странные сопли, которым даже русского названия не придумаешь. Но есть одна-единственная еда, которую ни я, ни Гриша, ни Кактус терпеть не можем. Это род безвкусного серого пудинга со странной подливой, насыщаться которым можно было разве что в блокадном Ленинграде, и называется это «кисра». Вот эта кисра и была, о ужас, той самой праздничной супер-едой, которую нам, наконец, приготовили!

Мы робко отнекивались, указывая на то, что уже позавтракали в церкви, а потом у брата хозяина и во всех прочих местах, но нам отвечали, что это произведение непревзойдённого кулинарного искусства непременно нам надо съесть. Я, стараясь думать о хорошем, мало-помалу пропихнул сквозь рот в пищевод и расположенный далее желудок несколько щепоток этой массы (едят, разумеется, руками); Гриша и Кактус сидели, не открывая рта, с видом пионеров-героев, у которых немцы хотят узнать военную тайну. В результате мы так и не истребили даже четверти предназначенного пудинга, и доедать его пришлось самим хозяевам.

Оставшуюся часть дня мы провели в миссии, потому что в городе мы вызывали прямо-таки зоопарковое внимание, как если бы слон появился на улицах Москвы. Все обращают на нас внимание, идём по улицам – крики, голоса, шёпот: хаваджи! хаваджи! (белые люди!). Впрочем, всё это по-доброму, никакой агрессии.

Днём в Гедарефе прохладно – всего +25 или +30, сказывается сырость и близость холодных (относительно) эфиопских гор. Дорога в сторону Эфиопии наверняка размыта, и не всякий грузовик-лорри поедет сейчас в сторону Гуллабада. Но нам спешить некуда. Путешествие длится уже 50 дней, из них 20 дней я нахожусь в Судане и совсем просуданился, разучился куда-то спешить и чего-то очень хотеть. Доберёмся до Эфиопии? до Кейптауна? до Москвы? – иншалла!

Обсуждаем дальнейший путь (Кубатьян, Сенов и Грил)

Поскольку комары прошлой ночью нас совсем достали, мы поставили все три кровати точно под вентилятором в центре комнаты и включили вентилятор на полную мощность; только так удалось разогнать надоедливых кровососущих. Перед сном рассуждали, как это часто бывает, о мирской жизни; Гриша полагал, что для нормальной жизни в России нужно иметь хороший диплом и зарплату в тысячу долларов в месяц, я же не соглашался с ним, считая, что можно обойтись и меньшим их количеством, и без диплома. Так и не придя к консенсусу, мы вскоре заснули.

16 сентября, суббота. Встреча шестерых

Утром в храме появился Олег Сенов и рассказал о своём житии. Странно, но гитару он сохранил. Путь его был таков. Он, а также Грил и Лекай, приплыли в Судан через неделю после нас, на следующем пароме. Грил и Лекай дождались поезда и на нём проехали часть пути (от Вади-Халфы до Абу-Хамеда), а потом направились в Хартум. Олег же один поехал «по классическому маршруту» автостопом через Абри и Донголу. Мы весело трепались до самого обеда, не переставая удивляться тому, что гитара проехала почти весь Судан. (Я ещё не знал тогда, что гитаре сей суждено добраться гораздо дальше, до самого Кейптауна.)

Днём мы попрощались с гостеприимным эритрейским священником и покинули миссию, направляясь на почтамт, где была назначена встреча с остальными. Почта была закрыта (суббота тоже оказалась выходным днём), но за сею почтою обнаружилась метеобудка, где находилась записка от Грила и его рюкзак, а также, о радость, Сергей Лекай собственной персоной. Вскоре подошёл и Лапшин; таким образом, нас стало шестеро.

Другие участники поездки на стрелку прибыть не могли, так как у них не было суданской визы.

Нас ждал самый неясный участок трансафриканского маршрута – суданско-эфиопская граница. Давным-давно она была открыта. Потом, в годы правления в Эфиопии коммунистического диктатора Менгисту, наземный автопереход был закрыт. Но вскоре от Эфио-

пии отделилась её бывшая провинция, Эритрея, и в начале 1990-х единственно возможный маршрут проходил из суданского города Кассала в эритрейскую Асмару, а оттуда уже в Эфиопию. Затем суданское, эритрейское и эфиопское правительства все взаимно разругались, и на момент нашего прошлого посещения Судана (1999 год) были закрыты все границы. В начале 2000 года прошёл слух, что Судан и Эфиопия неожиданно подружились, и иностранцы вновь могут официально попадать из Судана в Эфиопию по суше. При этом сами суданцы и эфиопы, сидящие в Москве в соответствующих посольствах, мыслили противоречиво: суданцы говорили, что граница открыта, эфиопы – что она закрыта навсегда.

Итак, нам предстояло проверить состояние этой странной границы на своём опыте. Чтобы у нас не было казусов, подобных египетскому, когда Гришу Кубатьяна пропустили, а остальных не сразу, – мы решили ехать нераздельной шестёркой, тем более что кузовная сущность суданского автостопа к этому располагала.

О. Сенов, А. Кротов, Г. Лапшин, Г. Кубатьян, С. Лекай на трассе

Итак, затарившись напоследок на базаре некоторой пищей, мы обленились и начали стопить машины почти в центре сего города.

Первая «Тойота» провезла нас до конца города; вторая – до некоей пригородной развилки, где мы, неправильно определив нужное нам направление, прохлопали два грузовика, ушедшие куда надо. Затем нас шестерых подобрал шикарный, даже не имеющий кузова, джип, принадлежащий госпиталю «Армии спасения»; Сергей Лекай сел ему на

багажник, ибо места внутри было немного. Дорога была ухабистой; в самом ухабном месте на трассе стояли мальчишки, успевавшие попросить подаяние у проезжающих машин в тот момент, пока они боролись с дорогой. Водитель выкинул из окна бумажку в 500 фунтов, и дети радостно бросились за ней. Наконец, джип привёз нас к воротам своего деревенского госпиталя, мы вышли и занялись дальнейшим ожиданием машин на вечерней дороге.

Белые люди на трассе в этой деревне попадались нечасто; особенно в количестве шести человек одновременно. На нас собралось смотреть полдеревни. Вскоре, к нашему удивле-

нию, появилась белая тётка в шлёпанцах: жительница Голландии, работавшая в этом гуманитарном госпитале уже год.

– А я слышу, все в деревне кричат: «хаваджи, хаваджи» (иностранцы)! – посмеялась она.

Мы поведали ей свою сущность, но вписаться на ночлег в госпиталь не успели, так как со стороны Гедарефа ползли грузовики, те, которые недавно пытались уйти из-под нашего носа. Попрощались с голландкой и залезли в застопившийся грузовик.

* * *

Дорога была грязна, сгустился вечер; ближе к пункту назначения грузовик стал петлять в окрестностях деревни назначения, стараясь объехать грязевые лужи. Наконец прибыли куда-то. Это была деревня в 10 км не доезжая деревни Доха, на полдороги между Гедарефом и Гуллабадом. Деревня это была очень бедная, все люди жили в хижинах, электричества не было нигде никакого, хотя народу здесь было немало. Редкие лавки из прутьев и соломы освещали в ночи тусклые мерцающие точки – это были, вероятно, масляные светильники. Кое-где светились и красные точки – угли, на которых готовили еду. Место, где мы сейчас оказались, было деревенским базаром.

Увидев иностранцев, никогда здесь не встречавшихся, люди собрались вокруг той лавки, где мы варили свою чечевицу в котелке. Зрителей было свыше 70 человек. Мы попросили фуля.

Нас поняли, и минут через десять фуль, в дополнение к нашей чечевице, принесли нам в большой металлической миске.

Нас было слишком много для того, чтобы нас сразу звали в гости. Куда положить в соломенной хижине шестерых белых мистеров, да и чем накормить? Мы, правда, уже накормились, и намекали собравшейся толпе, что мы можем ночевать не в пятизвёздочных условиях.

Один человек всё же предложил нам пойти спать к доктору, показывая жестами «спать», «шприц» и приговаривая: «доктор, доктор».

– Доктор сделает нам укол, и мы уснём, – так перевёл его предложения С. Лекай.

Пока мы думали о докторе, один из местных жителей, единственный англоговорящий, решился-таки зазвать нас на ночлег к себе.

Мы пошли по тёмной деревне, стараясь не напороться на сучья, палки и хижины. Жилище каждого человека было огорожено забором из палок и соломы, а между ними были довольно узкие проходы-улицы. Прибыли в хижину; её диаметр был чуть меньше трёх метров. Хозяин как-то организовал нам несколько кроватей: вероятно, одолжив их у соседей. Те, кому не досталось кровати, ночевали в палатках, и это было, пожалуй, мудрее: в деревенской сырости, в хижине, водились многочисленные, возможно малярийные, комары.

17 сентября, воскресенье. Вперёд, к неведомому Гуллабаду!

Один из нас, именем Кактус, беспокоился, что наш хозяин потребует деньги за ночлег, но его опасения оказались беспочвенны. Мы поблагодарили хозяина и выбрались на трассу – грязную дорогу среди полей и деревень. Чуть подъехали на «лорри» – вероятно, до той самой Дохи, на полпути между Гедарефом и границей, и застряли. Весь сегодняшний день мы проторчали в ожидании машин у притрассового дерева, в безымянном местечке на 13°30 с.ш., 35°44 в.д., в 629 метрах выше уровня далёкого моря.

Дерево это было местной остановкой транспорта. Под ним сидели люди, желающие уехать в сторону Гуллабада. Этих людей становилось всё больше и больше, потому что примерно ежечасно со стороны Гедарефа подъезжали всё новые грузовики, высаживали часть

людей под дерево, а остальных везли в Доху, которая была в стороне от трассы. Со временем под деревом скопилось более сорока человек, ожидающих попутку и желающих уехать нераздельной сорокпяткой. Мы тоже сидели среди них.

В полдень тень от дерева съёжилась, и люди перестали помещаться в тени его. Кстати, я забыл сообщить, что на трассе, у дерева, был пост ГАИ! В хижине придорожной сидел суданец, объявивший себя полицейским, он проверил наши документы и записал наши имена в большую тетрадь. Увидев, что среди нас два Григория, он решил, что они братья, и так их и записал, вероятно: «братья GRIGORI – 2 шт».

Все машины поворачивали в Доху. Наверное, там было очень хорошо, раз все туда ехали! И только тогда, когда солнце приопустилось и тень от дерева вновь стала покрывать всё увеличивающуюся толпу ожидающих, приехал наш грузовик. В его и без того непустой кузов набилось свыше пятидесяти человек! Старики в халатах, кормящие женщины с детьми, солдаты с автоматами, все мечтали ехать в сторону Гуллабада.

Водитель сперва не особо хотел брать в дополнение ещё шестерых белых бесплатных мистеров и велел нам ждать. Пересчитав выручку, полученную со всех иных пассажиров, водитель возрадовался её обилием и разрешил нам ехать даром. Мы залезли и поехали.

Опять, как и вчера, вечерело, дорогу развезло, водитель начал ездить по полям и лесам окольными путями, стараясь найти дорогу в деревню, ветки ударяли нам в лицо, Сеню сильно ушибся о выступающую часть грузовика, меня в указательный палец укусила ночной летучий жук. Мой палец нагрелся и раздулся, как сарделька, и не хотел сгибаться, и целую неделю я проходил потом с таким надутым пальцем (самого ядовитого виновника в темноте я не успел увидеть). Пассажиры, разбредаясь из «лорри», искали дорогу во тьме, «лорри» двигался в неизвестном направлении; в результате трёх солдат и одного человека мы так и забыли в ночном лесу – они пошли искать дорогу для грузовика, а когда он сам нашёл её, они не успели зацепиться за уезжающий кузов. Наконец мы прибыли в очередную деревню хижин, похожую на вчерашнюю, и опять мы готовили на углях в местной харчевне свою чечевицу и каркаде, и опять жители стеклись смотреть на нас, но в меньшем количестве, чем вчера. В деревне была, кстати, маленькая христианская церковь в виде хижины с деревянным крестиком сверху, и мы уже думали спать в ней, если других вариантов не обнаружится.

Местные жители, узнав, что мы хотим бесплатно попасть в Гуллабад, сосватали нас на ночной грузовик, вёзший непонятные мешки и кровать в деревню Кунейни. Это было ещё 20 километров, но ехать пришлось часа полтора: ночь, грязь... Прибыли мы в Кунейни в половину двенадцатого ночи. На ночлег забурились в прихожую какого-то домика и уснули, даже не разглядывая, где мы оказались. До границы оставалось километров двадцать.

18 сентября, понедельник. Альом сейяра Гуллабад фи? Трактор-деньгопрос. Пересечение границы. Наконец в Эфиопии!

Когда мы начали просыпаться и собирать свои шмотки, мы обнаружили, что спали в приёмной врача. Этот сарай, действительно, являлся местной поликлиникой, и наивные рукописные плакаты на стенах подтверждали это. На одном плакате было нарисовано устройство беременной женщины; на другом было нарисовано два человека, один какал в очко туалета, а другой мимо, и тот, который мимо, был перечёркнут: неправильно, мол. Грил же поставил свою палатку в соседней хижине; наутро жители Кунейни были немало удивлены, увидав, что внутри большой соломенной хижины за ночь выросла другая, зелёная и загадочная.

Я вышел из приёмной врача, в которой мы спали, и задал собравшимся вокруг зрителям один вопрос:

– Альом сейяра Гуллабад фи? – Сегодня машина Гуллабад есть?

Это наше пробуждение, моё вылезание и вопрос так поразил всех жителей Кунейни, что они принялись повторять его на все голоса, и целое утро мы слышали, как из разных концов деревни доносилось на все голоса:

– Альом сейяра Гуллабад фи?.. – Альоум суяра Гуллабад фи? – Альём сийяра Гуллабад фи?.. – Альом сейяра Гуллабад фи? – Альюм сюяра Гуллабад фи?

Я их так поразил, что они никак не могли ответить на мой вопрос. Все ходили и спрашивали друг друга, как звуки испорченной пластинки: Альём сейяра Гуллабад фи? Наконец, один житель деревни всё же ответил мне:

– Сейяра мафи. Трактор фи! – Машины нет. Трактор есть!

И впрямь, на деревенской толкучке стояли трактора, запряжённые в тележки. На одну из них всем миром грузили огромный синий мягкий мешок. Наверное, в нём была одежда. Мешок имел длину метра четыре, ширину метра два и почти метр толщины. Чтобы навалить его на тележку, потребовались усилия человек пятнадцати. Трактора шли, возможно, в Гуллабад, но сущность их была деньгопросна, и тем более они куда-то исчезли вскоре, поуползали в неизвестном направлении, но не в Гуллабад; возможно, ушли за дополнительными пассажирами или грузом. Мы пошли пешком на выезд из деревни.

Начинался базарный день. Местные жители раскладывали на продажу маленькие, в сантиметр диаметром, помидорчики, а также кишки кур (интересно, зачем? для какого-нибудь колдовства?), хлеб, древесный уголь, лимончики и сигареты «Bringi».

– Как говорит наука, человек может довольно долго ничего не есть, – произнёс Кактус. Из соображений экономии он решил потратить в Судане ноль долларов и строго придерживался своего принципа. Все дни нас подкармливали, но сегодня почему-то не спешили – вероятно, сказывалось влияние соседней голодной Эфиопии... – Человек может довольно долго не есть, а...

– ...А есть он может ещё дольше, – продолжил Сергей Лекай и купил у базарных тётушек хлеба на последние остававшиеся у него суданские деньги. Мы пересекли овраг, означавший собой конец деревни.

Дорога, идущая на Гуллабад, была грязна – ишаку по колено.

На околице деревни к нам прицепились полицейские, и, намекая на погранзону, спрашивали нас: «Листа! листа!» Это они имели ввиду пермит, официальное разрешение на поездку. Дело в том, что уже много лет в Судане действуют законы, запрещающее свободное передвижение иностранцев. В каждой деревне нам, по закону, нужно было платно зарегистрироваться в полицейском участке, если таковой имелся, и получить, опять же платное, разрешение доехать до следующей большой деревни, а там опять в течение 24 часов зарегистрироваться, и т.д.. Однако, в Судане так мало иностранцев, что многие полицейские и забыли, что такое белый человек и что ему нужен этот пермит, «листа». Здесь же об этом помнили; но мы сделали вид, что не понимаем, и нас никто не арестовал: инструкция о том, что делать с иностранцами, не желающими регистрироваться, в эту полицейскую хижину пока не поступила.

По грязной дороге шли местные жители, кто пешком, кто на ишаке или верблюде. Как ни странно, вскоре мы застопили «Тойоту» и проехали на ней километра два. До Эфиопии осталось менее 20 километров.

Тойота куда-то свернула, а мы остались перед разливом воды и грязи, который якобы и представлял собой дорогу на Гуллабад. Было ясно, что «лорри» здесь не пройдёт, да и вообще следов машин не было. Мы побродили вокруг и так и не нашли никакой лазейки для транспорта. Вероятно, мы не на той дороге вообще. Когда мы уже решили возвращаться назад, в сторону деревни, – вдали послышался шум тракторов, и вскоре перед нами оказа-

лись сами они, четыре трактора с тележками, идущие, наконец, в вожделенный наш Гуллабад!

Международная трасса на Гуллабад в 2000 году

На трёх тележках лежали разные мешки, а на четвёртой – огромный синий мешок, который мы уже видели утром. На всех мешках сидели люди, желающие попасть в Гуллабад, их было суммарно человек сто, но распределены они были неравномерно. Среди едущих были и мужчины, и женщины, и даже несколько вооружённых солдат-пограничников.

Так как нас было шестеро, мы сели на разные трактора. Сергей Лекай и Кубатьян оказались на одной тележке и успели предупредить тракториста о своей безденежности, а мы четверо (Лапшин, Сенов, Кактус и я) были на другой тележке и предупреждать тракториста поленились.

Дорога была наихудшей в мире. Мы ехали по лесам, полям, лужам и буреломам, ветки хлестали в лицо, из-под колёс трактора летела грязь и забрызгала меня и других лиц, сидевших на краю тележки. Трактора шли почти по лесной целине, объезжая глубоководные лужи, ломая ветки и сучья, прыгая на ухабах; колючие деревья вцеплялись в одежду и кожу, больно царапаясь. Пассажиры то и дело дружно пригибались, когда над нашими головами пролетал очередной толстый сук. Мы пытались фотографировать трассу, но солдаты, едущие на тракторах, запрещали нам это. Время от времени нам попадались местные пешеходы, встречные трактора, а один раз – даже застрявший в грязи «лорри». Сегодня добраться до относительной цивилизации шансов у него было немного.

Ближе к Гуллабаду мы неожиданно выехали на широкую строящуюся дорогу. Это были начатки нового международного хайвея, призванного улучшить движение и товарообмен между великими африканскими державами. Хайвей должен был соединить Гуллабад с Гедарефом и позволить не только тракторам, но и другим машинам ездить на этом участке. Но пока была построена лишь небольшая часть магистрали, и я не знаю, сумеют ли закончить неторопливые суданцы сие строительство.

Когда мы приехали в Гуллабад (это вновь оказалась маленькая деревня круглых хижин), наш тракторист захотел денег. Запоздалые объяснения (мол, ехали от Гедарефа долго и все деньги проели) на него не подействовали. Чтобы избавиться от назойливого тракториста, я вручил ему несколько билетов МММ (в результате поездки на тракторе я стал такой грязный, злой расцарапанный, что платить нормальными деньгами не хотелось).

Государственных офисов в Гуллабаде было три. Сперва мы обнаружили один из них – двор, обнесённый забором из палок, с хижинкой и бочкой воды внутри. Так как мы после дороги были очень грязные, – решили помыться и постираться, тем более что никаких чиновников в офисе не было видно, а вот бочка с неплохой водой имелась. Стали черпать оттуда воду и мыться; но не успели все из нас вымыться, как появилось строгое начальство.

– Это вам не отель, а офис иммиграционных служб! – сказала оно и направило нас в другой офис.

Другой офис имел вид круглой соломенной хижины, внутри которой за столом сидел другой чиновник, отмахиваясь от назойливых мух. Отворив огромную, редко открываемую амбарную книгу, он начал заносить туда наши имена, начиная с моего. Но только он перерисовал своей рукой, непривычной к латинским буквам, моё хитрое имя «A-N-T-O-N-K-R-O-T-O-V», достал выездной штамп, подышал на него и уже занёс его над моим паспортом, – в дверь хижины ворвался некий человек, оказавшийся сотрудником местных спецслужб. В руке он держал три злосчастных билета МММ и что-то громко и быстро тараторил по-арабски. Человек за столом отложил штамп в сторону и с интересом слушал.

Кратко говоря, тракторист, сочтя билеты МММ подозрительными, обратился в местное гуллабадское КГБ, и, в первый и последний раз в Африке, сотрудник местного КГБ оказался умным человеком. Он сразу просёк, что эти бумажки не являются деньгами и пришёл разбираться. Оказалось, что проезд в тракторе стоил 10000 фунтов (четыре доллара) на человека, которые нам четверым нужно было заплатить. Другие двое, Лекай и Кубатьян, как я уже сказал выше, не поленились заранее предупредить своего тракториста, и у них проблем не оказалось. А нам остальным пришлось оплачивать своё раздолбайство, как уже было однажды в Донголе. Сам тракторист-деньгопрос, к сожалению, на разборки не пришёл, передав билеты МММ и свои проблемы спецслужбисту.

Мы спорили минут пятнадцать – не столько с суданцами, сколько друг с другом, и наконец справедливость восторжествовала. Билеты МММ нам были возвращены, а в фонд поддержки суданской экономики были выданы 16 американских долларов, которые и забрал сотрудник спецслужб. Мы просили предъявить нам самого пострадавшего, на что нам было отвечено:

– А зачем он вам? Он – суданский тракторист. Я – суданский полисмен. Я сам эти деньги ему отдам.

Когда проблема была решена, человек за столом всё же поставил сперва в мой паспорт, а потом и во все остальные паспорта вождеденные выездные штампы, и мы пошли на границу, размышляя о том, достанутся ли все деньги трактористу, полисмену или они поделят их пополам.

* * *

Гуллабад завершался довольно капитальным (не хижиннообразным) зданием суданской таможни, где люди в форме нас наскоро обыскали – больше из любопытства, чем желая найти что-либо запрещённое. А вот на эфиопской стороне границы не было никаких цивильных зданий. В круглой хижине сидели пограничники, которые поприветствовали нас, погля-

дели паспорта и сообщили, что въездные штампы мы сможем получить только километров через сорок, в деревне Шеди.

Пока же первая эфиопская деревня, в которую мы попали, называлась Метема. Она была несколько больше Гуллабада и представляла собой грязную улицу-дорогу, вдоль которой стояли хжины-лавки. По дороге бегали полуголые дети-эфиопы и все, как один, заметив нас, приветствовали нас криками «Ю! ю! ю! ю! ю!» Это было единственное английское слово (You – ты), которое знали тут все, даже дети. Попадались и люди, знающие английский в большем объёме. А вот арабский язык здесь почти никто не понимал!

Приезд в Эфиопию надо было отметить. Такие события мы обычно отмечали местными вкусностями, если таковые обнаруживались. Но местных денег на отмечание у нас не было. Обменных пунктов и самоходных менял тоже не наблюдалось. Один лавочник согласился обменять наши доллары на эфиопскую валюту, именуемую «быр», в соотношении 1:7. Соотношение не самое лучшее, но иных вариантов не было. Но лавочник оказался ещё и с приколом: он принимал только баксы не старше 1998 года выпуска; более старые он считал не имеющими никакой ценности. Сыскали для него новенькую 10-долларовую купюру и обзавелись целой кучей мятых, старых эфиопских быров в количестве 70. Стало быть, один быр сегодня равен примерно четырём рублям. (Через две недели, в Аддис-Абебе, за доллар нам давали 8.5 быр, подешевевших таким образом до 3 руб. 40 коп.)

Ну что, первым делом – фуль! Это важное арабское слово здесь ещё понимали. Мы набились в тесную, тёмную хижину-харчевню и попробовали первую в Эфиопии еду. Тарелки были большими, цена невелика (2 быра), и наши опасения, что в Эфиопии всё будет дорого, оказались напрасными.

Обменяли деньги, насытились фулем и пошли на выход из деревни. Весёлые деревенские дети, от двух до двенадцати лет, все сопровождали нас с криками «ю! ю! ю! ю!» Целая процессия получилась, потому как детей было не меньше пятидесяти. Они бы шли за нами и далее, но в конце деревни двое взрослых цыкнули на них, и дети испуганно разбежались по своим хижинам, а перед нами лежали просторы

ЭФИОПИИ.

Эфиопия

Пейзажи Эфиопии

История эфиопского народа насчитывает не менее сорока веков. Эфиопская цивилизация, ровесница индийской, шумерской и египетской, зародилась в незапамятные времена. В IV веке, одной из первых, Эфиопия приняла христианство. Она и поныне осталась второй по древности христианской страной (после Армении, принявшей христианство в 301 году).

В дни распространения ислама гордые горные эфиопы сумели отстоять свою религиозную и политическую независимость, хотя все их соседи оперативно приняли ислам. В эпоху колониализма Эфиопия осталась единственной страной на всём континенте, которая никогда никем не была колонизирована (только кратковременно оккупирована итальянцами в течение нескольких лет Второй мировой войны). Устояв перед исламом и колониализмом, Эфиопия не выдержала искушения стать страной передового социализма, в годы правления коммунистического диктатора Менгисту Хайле Мариама. В 1992 году Менгисту прогнали, а вскоре после этого началась война с Эритреей, приморской мусульманской провинцией Эфиопии, успевшей незадолго до этого отделиться. Война сия, то разгораясь, то затихая, длится и по сей день; момент нашего визита совпал по времени с очередным обострением конфликта.

Россия подружилась с Эфиопией довольно давно. Даже великий русский поэт А.С.Пушкин корнями своими был, как полагают, эфиопом («Арап Петра Великого»). В конце прошлого века русский полковник Булатович побывал в Эфиопии и написал об этом чрезвычайно познавательную книгу («С войсками Менелика II»), переизданную в наши дни. А российские врачи и лётчики, с которыми нам ещё предстояло познакомиться, и поныне встречаются в Эфиопии в изобилии.

В настоящий момент древняя Эфиопия входит в десятку беднейших стран на Земле, наряду с Мали, Сьера-Леоне, Чадом, ну и со своей бывшей колонией, а теперь противницей, Эритреей. В московских газетах накануне нашего отъезда то и дело описывалась критическая ситуация в стране: война, засуха и голод. Насколько это верно? Мы могли проверить это только экспериментально, посетив сию страну.

Сейчас перед нами расстились зелёные луга, паслись коровы. Вдали, на горизонте, чувствовались горы, цвели цветы, порхали насекомые и ничто внешне не говорило о том, что мы находимся на такой древней, свободной и многострадальной земле.

Эфиопская окраина

Как и последнее суданское, так и первое эфиопское транспортное средство явилось нам в виде трактора. Он провёз нас километра три до речушки, на которой помылся и отправился обратно в Метему. Мы остались одни. Поставили под деревом палатки, развели костёр и принялись радоваться въезду на эфиопскую землю. В течение вечера нам навстречу, на границу, прошло несколько грузовиков, гружёных людьми и мешками. Впоследствии выяснилось, что в мешках была фасоль, которая и является единственным эфиопским экспортом на этом направлении. Было и два грузовика в нужную нам сторону, но мы решили не торопиться, пообщались с ними и отпустили их. Всё равно в сорока километрах – Шеди, офис иммиграционных служб, где нам надо ставить въездной штамп, а ночью он не работает, так что нам без разницы, ехать туда сейчас или наутро.

В этот момент мы могли оценить мудрость Олега Сенова, взявшего с собой гитару. Мы непрерывно варили чай и еду и оглашали эфиопские леса своими завываниям:

– А-а-а ва-акруг такая тишина!!
Что вовек не снилась на-а-ам! наам!!
И за этой тишиной, как за стеной!!
Хва-а-атит места нам с тобой!!

К счастью, никто нас не слышал, потому что с наступлением темноты все эфиопы, бродившие днём в поисках дров и развлечений, вернулись в деревню.

А с вышеприведёнными строчками был связан прикол, так как по-арабски слово «наам» означает «спать», и мы думали, что эту песню хорошо петь, намекая на то, что уже пора укладываться...

19 сентября, вторник. Преодоление 50 километров

...Наутро машин почему-то не было видно, вероятно все они прошли вчера вечером. Но пока готовили чай, появился первый грузовик, водитель которого, увидев такое скопление белых мистеров, сразу потребовал до Шеди по шесть быр с носа. Мы отказали, он уехал, но через часок появился второй. Пока водитель пытался увезти нас хотя бы за пять быр, мы застопили джип, идущий следом. Тут водитель грузовика неожиданно согласился, и повелел нам быстро залезать в его кузов, что мы и сделали.

В путь!

Дорога была пока относительно неплохая. Грунтовая, но не особо грязная, и почему-то с подводными мостами. Во всех нормальных странах мосты делают над водой, а в Эфиопии – и под водой: участок трассы, пересекаемый речкой, бетонируют, чтобы не размывало, и грузовики, разбрызгивая воду, проезжают их вброд. Подводный мост и безопаснее (обрушиться не может), и дешевле, чем надводный.

Эфиопская трасса

Деревни попадались каждые десять километров и состояли всё из тех же круглых хижин, крытых ветками и соломой. Следов электричества не было ни в одной из них. Пол у хижин был земляной, и на полу возникала грязь. Основной товар, который продавали эфиопы, был древесный уголь, который они сами и изготавливали неподалёку от своих деревень, пережигая дерево; на этих еле греющих углях эфиопы и готовили свою немудрёную пищу, у кого она имелась.

Деревенские дети, увидев в грузовике едущих белых мистеров, не чуя ног от счастья, бежали вслед (грузовик ехал небыстро) с криками «ю! ю! ю!» Даже маленькие, годовалые малыши, несомые более старшими, видя нас, уже знали, что надо показать в нашу сторону пальчиком и сказать «ю!», – так делали все.

Между деревнями, на траве, паслись многочисленные коровы. Они были довольно тощими, и молока, вероятно, не давали; по крайней мере мы сегодня этого молока пока не видали. По лесам бродили, кроме коров, редкие эфиопы, выискивая сухопалки для розжига огня – вероятно, им не на что было приобрести уголь.

Прошло часа два, и мы прибыли в необозначенный на наших картах посёлок Шеди. Выгрузились из грузовика и сразу озаботили всё местное население вопросом «Где иммиграционный офис?» Дети сперва пошли толпой показывать (а может, они просто сопровождали нас куда глаза глядят), но некий человек в клетчатой синей рубашке (то есть довольно цивильно выглядящий) прогнал детей камнями и отправился показывать нам этот офис. Офис оказался далеко, километр, не меньше.

– Я гид, я единственный гид в этой деревне, – торопливо говорил мужик по-английски, – я вам сейчас всё покажу! Здесь никто не знает английского языка, кроме меня, а я, я вам покажу офис иммиграционных служб и всё, всё остальное!

Мы решили, что пускай он ведёт нас куда угодно, но денег он за это не получит. Когда мы пришли к офису, на наших часах было 12.43, но он был закрыт. Нам сказали, что чинов-

ник появится часа через два; итак, чтобы мы подождали. Офис был единственным капитальным (не хижинным) построением в Шеди и состоял из двух одноэтажных цементных зданий, производивших впечатление неиспользуемых. Однако возле меньшего здания стояла большая бочка с водой, и мы за время ожидания чиновника успели истратить почти всю её на помывку и постирку грязной одежды, как и накануне в Гуллабаде: вычёрпывали воду из бочки в имевшуюся во дворе миску, а потом сушили постиранное на заборе. Вода тут была почти прозрачной. «Гид» бродил вокруг, ожидая непонятно чего.

Кстати, интересно, что никакой солидной вывески «офис» в Шеди не имел, не было и полицейского поста на трассе, шлагбаума и других новшеств, которые должны бы предупредить проникновение в страну граждан-нелегалов. Как выяснилось позже, в Эфиопии вообще не принято спрашивать паспорт, и можно целый месяц гулять по стране, не показывая вообще никаких документов, а потом, так же спокойно, выехать, в те часы, когда не работает офис иммиграции на выезде. Рай для желающих въехать нелегально!

Пока офис был закрыт, мы втроём (Грил, Олег Сенов и я) отправились в центр деревни с целью поесть. Нам удалось найти лавку, где нам предложили фуль за два быра, как и вчера. Мы расселись в ожидании пищи, и что-то странно долго нам пришлось ждать – оказалось, готового фуля не было, и они готовили его специально для нас! Когда же фуль поспел, оказалось, что его порции вдвое меньше вчерашних. Если так пойдёт дальше, в Аддис-Абебе порция будет величиной в одну фасолинку и созревать неделю.

Пока готовился фуль, мы обошли деревню в поисках хлеба и чая и нашли эти блага; и маленькие хлеба, и маленькие стаканы чая стоили по 25 эфиопских копеек, что соответствовало нашему одному рублю. Мы купили хлебов на всю компанию, благо, в этой деревне они ещё не были в дефиците.

Мы пришли назад, к иммиграционному офису, часа через полтора. На заборе оно гордо сушилась свежестиранная одежда. Главный чиновник пока не пришёл, а служащие рангом поменьше молча удивлялись, как мы себя ведём в офисе иммиграционных служб (это напомнило нам Гуллабад).

Виза Эфиопии (справа) и Ботсваны (слева)

Наш синий клетчатый хелпер, который так никуда и не ушёл, за это время организовал нам обменщика денег – мужичка с испуганно вытаращенными глазами. Этот мужичок, тарашась на меня, произнёс в страхе:

– Этот человек нехороший! Этот человек опасный! Этот человек похож на мусульманина! Я не буду ему ничего менять!

Но я уже поменял деньги в Метеме. Некоторые остальные также решили поменять десять долларов, и испуганный меняла побежал домой за деньгами, так как таких сумм наличности он при себе не носил. За доллар он предлагал по 8 быр, на один быр больше, чем на границе.

Гриша Лапшин неожиданно нашёл в своих закромах 10000-фунтовую суданскую купюру (\$4), которая завалилась у него. Как раз тракторист хотел с нас по 10000 фунтов,

а мы и забыли, что у нас остались суданские деньги. Гриша пытался поменять суданскую деньгу у сего менялы, но безуспешно. Впоследствии он пытался избавиться от неё до самой Аддис-Абебы, и нигде не мог; и я предложил Грилу сохранить её до Москвы, где я ему на эту сумму выдам книг по автостопу. Так оно потом и вышло.

Мы продолжили ожидание. Местные взрослые эфиопы, прознав про наше наличие, пришли нас угощать. У них была маленькая бутылочка из-под кока-колы (сама кола была разбавлена сырой водой в соотношении 1:10 до достижения почти полной прозрачности) и большой серый блин, который назывался «инжера».

Инжера, как мы позже узнали, это самое главное, традиционное эфиопское кушание. Делается оно не из пшеничной муки, а из каких-то семян, потом жарится на другом блине, но железном, и покрывается перцем или другими наполнителями. Едят инжеру руками, все вместе. Итак, нас угостили первой инжерой, а вот пришёл и иммиграционный чиновник, желающий поставить нам въездные штампы.

Инжера

Ура! ура! ура! Въездные штампы получены, мы можем продолжать путь! От клетчатого помощника нам удалось избавиться, но, как потом оказалось, ненадолго. Мы пошли пешком по трассе на восток; и вот перед нами открылся зелёный пейзаж, долина реки, красота, а где-то там, вдали, мерещатся горы. Мы спустились к реке, развели костёр, сварили каркаде и суп из чечевицы, купленной в Гедарефе, а с наступлением темноты поставили четыре палатки. Опять пели песни, пили чай, но машин сегодня вечером не было, в отличие от вчерашнего дня. Измерили координаты – оказалось 12°46» с.ш., 36°25» в.д.. Ночью был страшный мороз, +22°C, такого холода мы давно не ощущали.

20 сентября, среда. Пеший день в сопровождении гида

Судя по звукам, одновременно в пять утра проникшим в наши сны, мы наутро успели прохлопать три машины, прогудевшие по дороге. Может, это был глюк? Не знаю. Мы быстро встали, собрались, но машин больше не было.

Становилось жарче. Порхали разноцветные птички, жуки-скарабеи катили свои шарики, жужжали мухи, утренние жители деревни, дивясь на нас, выгоняли из деревни стада тощих коров. В отличие от Судана, никто в гости нас не звал и продукты питания на трассу нам не тащил. Мы умылись из речки, надеясь не подцепить какую-нибудь заразу. Развели костёр и опять продолжили чаепитие, но вскоре солнце нагрело воздух до +30 и мы перешли на поле, под дерево. Здесь нас и обнаружил вчерашний гид. Вероятно, он ночевал у себя дома, а местные жители донесли, что мы ещё не уехали, и он вернулся к нам.

– Я гид, я единственный гид в этой деревне, – торопливо говорил мужик по-английски, – здесь плохое место, а я, я вам покажу сейчас большую реку, в двух километрах протекает большая река, а за ней большая деревня!

Мы решили, что действительно скучно сидеть на одном месте, а искупаться в большой реке было бы неплохо, и мы пошли вперёд по трассе. Пытались избавиться от гида, но гид сделал вид, что тоже хочет посмотреть большую реку, а денег он не просит, – ну и пошёл гид с нами. Припекало. Километра через два, действительно, шумела большая река, и единственный (вероятно) в приграничном районе Эфиопии надводный мост загромычал под нашими ногами. Он был шириной в одну машину и вместо асфальта был покрыт деревянным настилом. Кстати, под нами текла река Атбара; она текла на север, в Судан, и в районе города Атбара присоединялась к Нилу и была его единственным притоком. Больше ни одной реки не вливалось в полноводный Нил на всём его протяжении (2500 км от Хартума до Каира), Нил лишь расходовал свою воду на испарение и орошение, но всё равно оставался полноводным.

Однако, купание в сей мутной Атбаре лично меня не прельстило. Вскоре мы уже были в обещанной хелпером большой деревне на другой стороне реки.

Мы надеялись на обед в этой большой деревне, но с продуктами там было не очень хорошо. Если в Метеме было много готовой еды, то уже в Шеди нам фуль готовили специально, а здесь на всю деревню в продаже имелось 14 хлебушков: восемь в одной хижине и шесть в другой. Несмотря на дефицит, цена их осталась прежней, примерно по 30 эфиопских копеек. Другой еды в деревне не было. Итак, уточню: вся еда, которую можно было найти и купить в деревне с населением не меньше ста человек, оказалась меньше чем на доллар.

Поскольку в эфиопской глубинке практически нет покупателей, там нет и магазинов; поэтому, желая найти, например, хлеб, нужно пройти по хижинам и спросить: даббо алле? хлеб есть? Сопровождающие нас дети озвучивают наше желание десятками голосов, и вскоре выясняется, какое продовольствие в деревне имеется: каждый рад продать сей хлеб; и, как ни странно, цену иностранцам не завывают, продают честно.

Гриша Кубатьян, как обычно, одолеваемый мечтой о молоке (столько коров, а где молоко?) озаботил гида этим вопросом. Оказалось, что молоко имеется, и стоит всего 1 быр за стандартную ёмкость (молоко переносилось во «фляжках», сделанных из выдолбленных тыкв, ёмкостью около литра). Гриша, Кактус и я решили выпить по литру молока, в то время как прочие автостопщики задержались на реке. Но когда молоко предстало перед нами, оно оказалось очень странным на вкус, как будто оно и не молоко вовсе, хотя тоже белое и жидкое. Я попробовал и не стал пить, отдал свою порцию гиду (он выпил с большим удовольствием!). Кактус и Гриша долго шпыняли меня за то, что я испугался эфиопского молока, и выпили свои порции.

Мы сидели и пили молоко в хижине, поросшей зелёным плющом, там, где купили шесть хлебов, и ожидали наших отставших на реке друзей. Хозяйка-эфиопка решила пора-

довать нас и оперативно испекла блин-инжеру, намазав его перцем, чтобы мы его съели не слишком быстро. Тут подошли Сенов, Грил и Лекай. Сергей Лекай был у нас самый любитель перца, так как после его путешествий по Китаю и Тибету любой самый острый красный маленький перчик был для него не острее варёной морковки. Вот он и оценил инжеру вместе с О. Сеновым. А Гриша Лапшин, как оказалось, на дух не переносил перца, и его порция – кусочек инжеры – досталась счастливому гиду. На прощанье хозяйка угостила нас кофе, который сварила при нас, но его оказалось так мало (не более десяти грамм на человека), что я не сумел даже распробовать вкус его. Эфиопы рады были бы угостить нас и ещё чем-либо, но было нечем.

Больше в деревне не было никакой пищи. Мы решили пройти пешком в следующую деревню; гид всё ещё сопровождал нас; также, до конца деревни, бежали за нами и деревенские дети, кричащие «ю! ю! ю!» Дошли до следующей речки (маленькой, мост подводный) и осели на ней в ожидании машин. Тут погода стала меняться, собрался дождь, и гид, настроившись на капитальное ожидание, построил себе шалаш из ветвей. Мы укрыли рюкзаки под полиэтиленовую плёнку и разбегались по трассе наслаждаться дождём.

* * *

В самом деле, после жаркого дня эфиопский дождь был очень кстати. Но, как оказалось, дождь зарядил надолго. Температура (судя по термометру в часах С. Лекая) упала до +21. Хотелось пообедать или поужинать. Машин не было. Вероятно, те, что нам приснились в пять утра, были последними. Гид в шалаше уверял, что в 15 километрах по трассе имеется большая деревня и еда. Выделили замёрзшему гиду лишнюю для нас, северян, куртку и пошли туда пешком.

Как хорошо идти по эфиопской трассе! Машин нет, людей тоже немного, погода нежаркая, вся Африка впереди! Правда, Кактус не разделял нашего восторга и через час ходьбы, утратив самоходность, заявил, что будет ночевать в лесу. Мы не стали расстраиваться и пошли дальше без Кактуса.

В сумерках мы достигли довольно широкой и глубокой реки, которую, как и прочие, надо было тоже переходить вброд. Когда-то там был и надводный мост, судя по остаткам одного, но, вероятно, его снесло половодьем. Нашли брод (оказалось неглубоко, чуть выше колена) и пришли уже в темноте в деревню, которая хоть и была большая, но еды там не намечалось – только чай. Наверное, все утренние инжеры здесь уже съели, а еды впрок тут не пекут.

– Есть ли в этой деревне пустая хижина, чтобы в ней переночевать бесплатно? – спросили мы гида. Сперва ничего путного он найти нам не мог, но затем нашлась какая-то дурная хижина с курами на насесте, которые булькали своё «ко-ко-ко» из-под соломенной крыши. На полу хижины чвякала грязь, так как соломенные стены и крыша протекали. Возник спор – где лучше спать: в этой грязной хижине или в чистых палатках? Палатки было лень ставить под дождём. Эфиопы притащили в хижину две шаткие кровати, суданского типа, деревянные, перетянутые ремнями из волосатых шкур, – но карликовые, каждая кровать была не более полутора метров в длину; ещё две кровати в хижине имелись, на одной из них уже устроился гид. Оставшееся свободным от кроватей пространство мы застелили полиэтиленом (положив его на грязь), и продолжили спор, что лучше, спать в такой хижине или вне оной.

– Ну что, – сказал гид, когда в хижину принесли четвертую кровать, – неплохой ночлег всего по пять быр с носа: шестью пять – с вас тридцать быр!

– Курицы входят в стоимость? – спросил один из нас, показывая на сонных кур под крышею.

– Нет, не входят...

Мы очень обрадовались, что вопрос с ночлегом в грязной хижине так легко разрешился, и злорадно разоблачили гида (в буквальном смысле – стянули с него мою куртку, которой он до сих пор, бедняга, пользовался), и покинули хижину с «ко-ко-ко» на удивление всех деревенских эфиопов. Шёл дождь, под ногами чвякала грязь, чёрная темнота с чёрными эфиопами никак не освещалась (электричества не было). Но в конце деревни был обнаружен большой, крытый железом (о цивилизация!) сарай, и Грил пошёл туда искать хозяина и договариваться о ночлеге, а вскоре пришли и мы, чвякая по грязи.

Сарай был построен, как и все хижины, из кривых палок толщиной в детскую руку, и был щеляв, но велик, и его крыша – настоящая железная крыша! – могла защитить нас от всех погодных явлений. Этот сарай принадлежал местной мельнице. Вместо двери там было отверстие небольшого размера. Мы влезли в него и разложили (уже на сухом полу) свой полиэтилен, как вдруг вслед за нами в сарай проник Кактус. Ночевать в лесу ему не понравилось, и он догнал нас. Мы расстелили спальные принадлежности и возрадовались. Так завершился день: ни одной машины, зато хорошо прогулялись пешком.

В этот момент что-то заскрипело, и с грохотом сюда пролез наш гид, пытавшийся устроить нас и себя на платный ночлег с курами. В руках он нёс кровать для карликов, вероятно, выпрошенную в той самой куриной гостинице, и пытался втащить эту кровать в входное отверстие сарая. Это ему удалось. Всю ночь он ворочался на этой кровати, дрожа от холода, но куртку мы ему уже не дали – своим поведением с куриной гостиницей он её не заслужил.

21 сентября, четверг. Ожидание... Уезжание! Дорожное строительство

К утру гид на кровати вконец замёрз и перетянул свои штаны с зада на ступни ног, но при этом у него стал замерзать зад. Не знаю, что бы он делал дальше, если бы не настало утро. Но утро настало.

Деревня после дождя выглядела, наверное, как город после бомбардировки. Замёрзшие эфиопы, завернувшись в старые одеяла, ходили туда-сюда, чвякая босиком по грязи. Мы решили сварить рис на чужом огне, и вскоре нашли такой огонь – точнее, красные угли, на которых эфиопы уже готовили утреннее что-то. Мы поставили туда и свой котелок с рисом, но он грелся почти час и никак не мог закипеть. Вокруг собралась толпа замёрзших зевак. Вскоре котелок случайно перевернулся, и я так и не помню, поели мы тогда или нет.

В 7.45 утра появились два грузовика и остановились вдали, ближе к реке.

Гид быстро убежал и погрузился в один из них. Мы приготовились к автостопу. Проезжая мимо нас, водитель даже не притормозил. Из кабины высунулся молодой эфиоп и на ходу спросил нас:

– You have a money? – Есть ли у вас деньги?

Мы отвечали «No», и машина проехала мимо. Во всём виноват был, конечно, наш гид, который погрузился в эту машину ранее и обрисовал водителю нашу сущность в самых чёрных красках. Для нас, кстати, так и не стали ясны цель и поведение гида, куда он направлялся и зачем нас сопровождал, ведь мы неоднократно советовали ему убираться вон. Он, якобы, шёл в следующую деревню к своему дяде. Денег он с нас не поимел, только лишь чаем мы его угощали, горьким молоком, блином инжерой и хлебами. Станный человек. Мы не знали, что этот гид нам вскоре попадётся вновь.

«Едем мы, конечно, небыстро. Но у нас ведь трёхмесячная виза, которую можно будет продлить,» – думали мы.

Мы долго ждали машину в этой мокрой деревне, у стен сарая, и даже положили бревно поперёк дороги, чтобы не прохлопать попутный транспорт. Но нам всё время приходилось

его убирать, так как одна и та же машина ездил каждый час туда-сюда. Эфиопы были весьма добрыми, хотя и бедными людьми, и через некоторое время тётка-эфиопка принесла нам в подарок деньгу в 1 быр! Мы отказались, но тогда нам принесли инжеру с перцем, которая была тут же истреблена (только Грил не прикоснулся к ней, боясь всего острого). Так увлеклись, что чуть не прохлопали грузовик. Слава эфиопам, которые дежурили на дороге и не пропустили явления транспорта.

Грузовик содержал в кузове уже приличную тусовку эфиопов. Главным человеком в грузовике был не водитель, а билетёр в рыжей кепке; он был даже не только билетёр, но командир экипажа, начальник рейса. Он знал по-русски несколько слов: «Один, два, три... товарищ! деньги! нет деньги?» Наконец, после некоторых уговоров, он согласился довезти нас бесплатно до следующей деревни.

– Я придумал фразу для твоей будущей книги, – сказал Гриша Кубатьян.

– Какую? – удивился я.

– *«И вся деревня радовалась нашему отъезду!»*

Я улыбнулся. Действительно было так. *Вся деревня радовалась нашему отъезду.*

* * *

После вчерашнего длительного дождя дорогу развезло. Подводные мосты стали глубже, грязи на дороге оказалось значительно больше, то и дело мы застревали. Билетёр в рыжей кепке то и дело командовал всем пассажирам: вылезай! тянем-потянем! тащите камни! и т.п.. Мы, хотя и не понимали этих команд, но делали так же, как все, только с большим энтузиазмом: собирали камни для укрепления дороги, тянули грузовик за трос или толкали его сзади, закидывали лужи грязи камнями и другой, более плотной, грязью, чтобы грузовик мог продолжить путь.

В следующей деревне к нам в кузов подсел наш знакомый гид. Мы спросили его:

– Ты же нам говорил, что едешь в эту деревню к своему дяде. Ну и что ты к нам опять пристал?

– Моего дяди нет дома, – отвечал гид, – я еду теперь в следующую деревню к своей тёте.

В одном из мест на трассе скопилось не меньше двадцати грузовиков, застрявших в грязи. Навстречу, на границу, ехали одинаковые машины с мешками, полными фасоли (странно: экспортируют, но сами почти не едят!); в нашем направлении, в Гондар, шли пустые грузовики. Но все они были пусты лишь условно, ибо не меньше тридцати пассажиров было в каждом. В каждом кузове имелся билетёр, собирающий деньги за проезд пассажиров и грузов. Кстати, в нашу сторону, на Гондар, грузы тоже были, но маленькие и неоднородные: то мешки с углём, то какие-то жерди строительного предназначения, то сонные, со связанными ногами, куры. Кур переносили вниз головой, держа их за лапы, целыми гроздьями. На крыше некоторых грузовиков эти куры были вообще вязанками, болтались, привязанные к кузову, и при этом они были живые, но усталые с дороги.

Грязная трасса (международный хайвей) в 2000 году

Все грузовики с фулем принадлежали одному богатому эфиопскому бизнесмену, жившему в Гондаре. Торговля началась здесь всего полгода назад, до этого граница была закрыта и грузы сии не ездили. Могли ли перемещаться через границу в прошлом году (1999) простые беспаспортные люди, местные жители, установить не удалось. Нам только сказали, что жители Гуллабада и Метемы сейчас имеют право в течение дня (но не ночью) ходить из одной приграничной деревни в другую и наоборот, что-то вроде свободной экономической зоны; но проникать дальше в чужую страну они не могут. И ночевать за границей им запрещено: к 18.00 суданского времени все должны вернуться по своим домам и странам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.